

Рина Беж Лишняя

<https://litres.ru/74206752>

Аннотация

– Ты – лишняя, – выплюнула истинная пара моего жениха, а затем несколькими точными ударами отправила меня в темноту. *** В день свадьбы я выжила чудом, но потеряла своего нерожденного малыша и способности омеги. Скрываясь от преследования, сбежала на другой край земли, поселилась в глуши и навсегда закрыла то, что когда-то было сердцем... Пока однажды ночью не нашла в лесу раненого волчонка.

♥# Пятая книга в цикле про оборотней. ✓# ОДНОТОМНИК
1. "Потерянная пара альфы" 2. "Вернуть истинную" 3. "Девочка контролера" 4. "Ошибка оборотня" 5. "Лишняя" 6. "Истинная пара. Проклятию вопреки"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	81
Глава 10	87
Глава 11	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Глава 1

– Эх, Таюшка, мало хорошего в том, чтобы быть омегой.

– Почему?

– Сложно, родная. Да, ты составишь прекрасную пару любому оборотню. Вы влюбитесь. Поженитесь. Родите детишек. Муж будет тебя боготворить, носить на руках, холить и защищать. Ты станешь для супруга той самой, единственной и неповторимой. Самочкой. Девочкой. Спутницей жизни.

– Но? Я чувствую, что за всеми красивыми словами, которые ты только что озвучила, непременно последует продолжение, которое меня не порадует.

– К сожалению, звездочка моя, так есть.

– Объясни же скорее, в чем подвох?

– Подвох в том, что ни одна омежка никогда не заменит оборотню его истинную пару. Вот в чем ужас положения.

– Подожди... ты хочешь сказать, что если мой муж, с которым я проживу много лет, рожу волчат и буду счастлива, в один не самый прекрасный день вдруг повстречает половинку своей души, он... бросит меня и детей? Откажется от нас? И выберет её?

– Да, Таюшка. Он. Выберет. Истинную.

Мама тяжело вздыхает и отводит взгляд. Но как гладила

меня по голове, так и продолжает гладить. Словно нежными прикосновениями старается разогнать тучи, что вместе с холодом поселяются внутри тела после ее слов.

– Ты... ты это точно знаешь? – голос дрожит, как не стараюсь казаться спокойной.

– К сожалению, милая. Истинная любовь всегда побеждает лунное притяжение омег, пусть последнее тоже очень сильно, ведь даровано самой богиней.

– Омеги... истинные... – в горле пересыхает, но я все равно продолжаю мысль, что вспышкой рождается в голове, – м-мама, ты же тоже омега... и говоришь, что точно знаешь. Скажи, мой отец... он точно погиб? Или всё-таки он... нас...

Как не пытаюсь вытолкнуть с губ слово «бросил», ничего не выходит. Страшное, оно застревает на языке и упирается.

– Твой папа встретил свою пару, Таюшка.

– И выбрал ее?

Сердце пронзает ядовитая стрела.

Думать, что папа погиб, выполняя свою работу, – было всегда больно. Знать теперь, что он взвешенно и равнодушно отказался от жены и дочки, оставив нас одних барахтаться в жестоком мире, без денег, сил, поддержки, а сам беззаботно пошел дальше: создал новую семью с истинной оборотницей, родил с ней себе новых, прекрасных и любимых детей, – больнее в сотню раз.

Жутко.

Обидно до горьких слез, которые скользят по щекам.

– Прости, родная, что молчала раньше. Не хотела тебя расстраивать, пока ты была маленькая.

Маленькая. Большая. Столь ли важен возраст, если предательство отца так и остается предательством?

– И он... – голос пропадает, но я заставляю себя говорить дальше. Хочу за один раз выяснить все подробно, чтобы после никогда больше не возвращаться к этой теме, – он никогда не хотел вернуться назад? К тебе? Ко мне? Не звонил? Не писал? Не интересовался? Не плакался, что совершил глупость, уйдя и бросив... нас?

– Никогда.

– Жестоко, мамочка.

– Знаю, доченька. Поэтому умоляю тебя: не спеши с выбором пары. Будь очень аккуратна. Не повторяй мою ошибку. Сделай все правильно.

– Разве ж могут омежки поступать правильно?

– Конечно, милая. Ты просто не торопись влюбляться. Не открывай душу красивым речам обычных оборотней. Жди своего... истинного. Не чужого, Таюшка, только своего и именно ему дари свое сердечко. Вот идеальное решение для таких, как мы...

– Обязательно, мамочка. Я не совершу ошибки...

Всего пара заполосных ударов сердца, миг, один взмах ресниц, а перед мысленным взором проносится целый вечер и тот самый долгий судьбоносный разговор, который состо-

ялся у нас с мамой много лет назад, когда она еще была жива.

Странно, почему же я его так легко забыла?

Почему нарушила собственное обещание?

Зачем поверила Стиву?

С чего вдруг очаровалась сладкими речами, что буду для него луной, воздухом, небом, солнцем и всем-всем-всем, чем пожелаю?

На кой вручила в его загребушие руки свое сердечко, подала тело, душу, всю себя?

Отчего не подвергла сомнениям заверения, что никто кроме меня ему никогда не будет нужен?

Зачем приняла за правду нашептанные на ушко слова, что я – лучшая? Единственная? Любимая? Идеальная?

Всё потому, что дурочка наивная, которая очень боялась остаться одна и до дрожи хотела жить, хотела любить и быть любимой в ответ...

Теперь, в день регистрации нашего со Стивом брака, стоя у зеркала в белом подвенечном платье в комнате отдыха, куда забежала на минутку, чтобы освежиться перед началом церемонии, и глядя в глаза молодой красивой, а главное, уверенной в себе незнакомки, проскользнувшей без приглашения за мной следом, я интуитивно ощущаю, что всё.

Мое время вышло, а та сказка, то светлое счастливое будущее, которое я сама себе придумала, доживает последние мгновения и вот-вот растает, как туман поутру.

Хорошего уже не будет.

Впереди неотвратимо жестокая действительность, которая распахнет свои ледяные объятия в тот же миг, как незнакомка откроет рот.

Я вижу ее впервые в жизни, но почему-то заранее знаю, что все, что она скажет, будет правдой.

Горькой. Ядовитой. Той правдой, которая с минуты на минуту разобьет все мои розовые мечты о счастье на мельчайшие осколки.

Острые.

Опасные.

Смертоносные.

И я никогда больше не буду прежней.

– Ну, здравствуй, Тая, – произносит девчонка с ярко-рыжими волосами, достигающими поясницы, растягивая ярко-красные губы в широкой улыбке, – говорят, ты невеста Стива? Омежка хитрозадая.

Высокая, стройная волчица держится очень самоуверенно. По всему видно, что не робкого десятка. Наглая, дерзкая. Палец в рот не клади.

И подружки ее, которые следом в комнатку просочились, дверь спинами подперли, предварительно замкнув затвор, и руки на груди сложили, рассматривая меня, как неведомую зверушку, точно такие же. Высокомерные и злые.

Глазами своими стреляют, будто шкуру с меня заживо содрать хотят и предвкушение от травли испытывают.

– Здравствуй, – отвечаю ровно, хотя внутренности вибрируют.

И так предстоит мероприятие не рядовое – будущий муж – сын чиновника высокого ранга, а тут еще наглые оборотницы грубо шутят и уходить не собираются.

– Верно, говорят. Стив Лобов – мой жених. А совсем скоро станет мужем.

На удивление, голос не дрожит, хотя сердце во всю долбит по ребрам, причиняя ноющую боль. Неужели заранее предчувствует беду на каком-то потустороннем уровне?

Да ну, глупости!

Все будет хорошо.

Наверное, девушки – родственницы моего оборотня, решили подшутить, устроив адреналиновый розыгрыш. Жаль, слегка перестарались... мне совсем невесело и неуютно.

Ничего, надо немного подождать и не нервничать. Уговариваю себя. Сейчас Стив придет и разберется.

Всё наладится.

– Это вряд ли, дурочка, – фыркает оборотница, изучая меня прищуренным взглядом.

Столько ненависти в нем таится, что отшатнуться хочется.

Темнота в холодных глазах. И обещание всех кар небесных, если попробую разозлить.

Нет. Ошибаюсь я.

Не розыгрыш это.

Чистая злоба.

Откровенная.

Дикая.

– Зачем Лобову жениться на подделке, омеге, которую может позволить себе каждый, если у него есть исключительная самка – его истинная? – продолжает незнакомка между тем.

– Истинная? – переспрашиваю, цепляясь за главное.

С трудом проглатываю вязкую слюну. Кошмар, что когда-то обрушился на мою любимую мамочку, теперь настиг и меня.

– Вот именно. Я – Зарина Минина – истинная пара Стива Лобова. Настоящая невеста и единственная, кто будет его женой. Поняла?!

Каждое слово – камень, что падает на сердце и причиняет ему острую боль.

– Но мы... любим друг друга. И скоро у нас будет малыш, – произношу тихо.

Голос все же ломается.

Никогда не чувствовала себя воительницей и любительницей конфликтов. Спокойная, рассудительная, обожающая детей и безумно ждущая своего собственного, который теплой искоркой уже обитает под сердцем...

Любовно накрываю раскрытой ладонью чуть-чуть округлившийся животик, поглаживаю его, ищу в этом жесте поддержку, и открыто смотрю на оборотницу.

Должна же понять.

Должна отпустить.

Должна...

– ЧТО?

Бешеный вскрик заставляет вздрогнуть. Отступаю на шаг, наблюдая, как оборотница вдруг теряет контроль и, дико оскаливаясь, дергается в мою сторону.

Ее подружки, как по команде, делают то же самое.

Становится очень страшно.

Я одна.

Их трое.

По жизни позитивная, замираю от агрессии и лишь прикрываю пока неродившегося волчонка руками в защитном жесте. Меня дико пугает троица размалеванных красоток.

– Не подходите, – выставляю ладони, пытаюсь их образумить. – Девочки, не делайте глупостей. Я же беременная.

– Скоро не будешь, – звучит прямая угроза от лидерши.

– Мы хорошо постараемся...

– На славу оторвемся...

Добавляют другие.

– НЕТ! – последнее, что выкрикиваю перед тем, как все трое набрасываются на меня и...

Нет, они не треплют за волосы, не хлещут по лицу пощечины и... больше не говорят. Уронив на пол, они методично меня избивают. Кулаками, но больше ногами. Каждый удар несет в себе такой оглушающий заряд злобы и ненависти, что я прощаюсь с жизнью.

Сколько длится этот кошмар – сказать не могу.

Кажется, вечность.

Я лишь плачу и истошно зову на помощь Стива, прикрываю руками голову и живот и молюсь матушке-Луне остановить безумие.

В какой-то момент удар по нижней части спины заставляет выгнуться дугой. Острая боль прошивает позвоночный столб и отдает в поясницу. По внутренней стороне бедер пробегает судорога, мощная, горячая. Она оседает внизу живота, зарождаая в нем огненный вал. Острым спазмом тот прокатывается по телу, выбивая воздух из легких и заставляя моментально вспотеть, а в следующую секунду выплескивается чем-то горячим между ног. Расползается по ногам, неотвратимо и жутко.

Страшно.

До одури страшно.

Пребывая в шоковом состоянии от боли, опускаю взгляд вниз и с ужасом наблюдаю, как белоснежная юбка свадебного платья пропитывается... кровью.

– Зачем ты так? – сиплю еле слышно, сквозь боль и слезы пытаюсь сфокусировать взгляд на той, кто сама когда-нибудь станет матерью.

– Ты – лишняя! – выплевывает оборотница, продолжая улыбаться.

Следующий удар в висок отправляет меня в темноту.

К лучшему.

Глава 2

В себя прихожу на очень короткий срок.

– Вы в реанимации. Сейчас поставим капельницу – станет легче, – сообщает бестелесный голос равнодушным тоном, когда я дергаюсь, пытаюсь приподняться.

Куда там?

Безуспешно.

Слабость дикая. Руки не слушаются, ног не чувствую.

Тело ощущается странно. Как мое и не мое одновременно. Я чувствую, что его ломает и корежит. Внутри болят и стонут сотни мышц и костей, о существовании которых я прежде не догадывалась. Мало этого, по венам вместо крови струится огненная лава. Она жжет и жрет меня изнутри. И в то же время все это будто происходит за стеклом – с моим организмом, но будто отдельно от меня.

Как так?

Не понимаю.

– Значит, я выжила? – еле шевелю потрескавшимися губами. Делаю вывод, отталкиваясь от самочувствия. Если бы умерла, наверное, воспринимала бы все иначе.

– Да, поздравляю.

Это издевка? Нет?

Не могу уловить по интонации.

В голове вата. Картинка перед глазами плывет и смазы-

вается. Из-за яркого света люминесцентных ламп постоянно набегают слезы, а веки опускаются.

Слабость.

Дурацкая слабость накатывает. Но мозг-то работает.

Да, работает. И картинки последних событий подкидывает одну за другой. Одну за другой.

Покадрово. Ярко. Жутко. Жестко.

Акцентируя внимание на словах оборотниц, выражении их глаз, лиц. Действиях.

Снова становится немилосердно страшно, что дыхание спирает.

Секунда. Две.

Щелчок, и мозг переключается на иное. Диагностирует собственный очень слабый резерв и дальше пустоту.

Пустоту?

Почему пустоту?

Прошибает потом. Бросает в жар. В холод. Снова в жар. Потряхивает. В груди нестерпимо ломится сердце.

Почему я будто неправильная внутри? Так, словно выпотрошена?

Это же... ошибка?

Правда, ошибка? Ну, пожалуйста!

Разлепив совершенно сухие губы, беззвучно ими шевелю, а затем задаю самый главный вопрос:

– Что с моим малышом?

Я маниакально хочу услышать позитивный ответ, который

придаст мне сил. Подарит надежду жить дальше и бороться со сложностями безжалостного мира.

Хотя почему мне? Нам!

Мы будем бороться. Мы. Со Стивом. Ведь у нас есть наше будущее. Наш ребенок. Наше чудо. Наше сокровище.

Все будет хорошо. Будет же? Ну, пожалуйста, матушка-Луна. Умоляю!

– Беременность, к сожалению, сохранить не удалось.

Ровный монотонный голос лупит наотмашь. Фантомной рукой сдавливают горло и перекрывает кислород.

– Что?

Задыхаюсь.

– Вы слишком сильно ударились, когда упали с лестницы. С лестницы? С какой лестницы? Что за бред?

– Я не падала. Вы путаете.

– Я повторяю лишь то, что мне сказали, – настаивает голос. – Вы пришли на чужую свадьбу. Устроили некрасивую сцену перед женихом и невестой. Кричали, угрожали, скандалили. Вам показалось этого мало, и вы САМИ бросились с лестницы.

От диких слов поднимается тошнота. Глаза затягивает туманом. Сердце рвется на ошметки. Душа на части разлетается.

– Нет... Ну, нет же! Не-е-е-ет! Ложь!

Это была моя свадьба! Я не убивала своего ребенка!

Вопль рвется из самого нутра.

Он настолько дикий и ненормальный, что пугает не только присутствующих рядом медиков, но и меня саму.

– Успокоительное. Срочно! Двойную дозу коли. Не хватало, чтобы она и у нас что-то вытворила.

Кажется, меня удерживают. Наваливаются сверху. Давят. Колют. Что-то говорят-говорят-говорят. Слова звучат фоном. Я на них не сосредотачиваюсь. Белый шум и только.

Неважно.

Уже ничего неважно.

Больше ничего нет. Моей теплой искорки под сердцем нет. И меня, кажется, тоже больше не существует.

Только боль. Единственная, кто остался со мной. И не сдается.

Как так? Я – мертвая. А боль – живая.

Следующие недели я провожу на больничной койке в государственной клинике. Это не моя прихоть. Врачи настаивают, что реабилитация – дело затяжное.

Проблема не в физическом состоянии. Синяки, ссадины, трещины в ребрах, сотрясение и другие не запомнившиеся мне последствия встречи с Зариной Мининой заживают относительно быстро. Белый халат уверяет, что всего за десять дней.

Я не отслеживаю.

Десять, так десять. Мне все равно.

Для меня время застыло еще в той точке, когда я узнала о

гибели моего малыша. Остальное перестало иметь значение.

День. Ночь. Какая разница, если личный кошмар не кончается?

Наступает темнота, сменяется светом новых суток, а ничего не меняется...

Ничего.

Раскалённый адский котёл, в котором я варюсь вместе с отчаянием, болью, мучительной тоской и одиночеством, так и бурлит. Не стихает.

Я почти ничего не ем, много сплю и не хочу просыпаться. Во сне мне легче. Там не больно, там почти хорошо...

Я понимаю, что в вязкое состояние апатии меня погружают нарочно. Не зря же постоянно ставят капельницы и делают инъекции. Пичкают успокоительными препаратами на завтрак, обед, ужин.

Белые халаты «лечат мне мозги».

Ага, именно так и говорят.

Спасают меня от меня самой, блокируя острую фазу истерики и не позволяя прийти в себя. Заверяют, что я сильно нестабильна. Вплоть до того, что могу начать буяннить, рвать на себе волосы, кричать, выйти в окно, причинить вред другим, чтобы хоть как-то выплеснуть невыносимые душевные страдания.

Откуда такие неверные выводы? Не понимаю.

Спокойная и рассудительная по жизни, никогда ни на кого не нападала, не угрожала, теперь я числюсь потенциально

опасной личностью, истеричкой.

Было бы обидно за нелепые наговоры, но под седативными мне большей частью все равно. И я вновь варюсь в пограничном состоянии. А день вновь сменяет ночь. И все продолжается по кругу.

Пока однажды не прекращается.

– Таюшка, детка, как ты?

На пороге палаты откуда не возьмись появляется моя бабушка. Еле шаркая ногами, опираясь на опору, позволяющую ей двигаться, она добирается до моей кровати и тяжело опускается в рядом стоящее кресло.

Меня одолевает шок. Бабуля уже довольно давно, лет десять, не меньше, не покидает свою квартиру из-за болезни суставов. А сейчас находится в моей палате. Как?

Ответ на этот вопрос получаю через пару мгновений, когда вслед за моей единственной родственницей порог переступает Карен Лобов, отец Стива, а затем и его личный телохранитель, огромный двухметровый двуликий с плечами, которые еле проходят в дверной проем.

Последний выставляет на прикроватную тумбу бумажные пакеты с логотипом известного продуктового гипермаркета, а затем молча, как и вошел, покидает палату.

– Бабушка. Откуда ты тут? – задаю вопрос, когда мы остаемся втроем.

Мой голос звучит сипло и тихо. Кажется, за прошедшее время я слегка отвыкла говорить.

Зато отлично помню бабушкины руки. Она и сейчас держит мои ледяные ладони в своих сухеньких руках, согревает, поитывает участием и теплотой.

— Господин Лобов сделал любезность и помог мне приехать, — отвечает мама моей мамы. Ее глаза на секунду обращаются к мужчине в дорогом костюме и белоснежной рубашке, манжеты которой украшены платиновыми запонками, потом вновь сосредотачиваются на мне. — Звездочка моя, я так скучала. И очень переживала, что ты не хочешь меня видеть.

Что?

О чем она говорит?

Хмурюсь, пытаюсь понять, когда я такое могла проверить? Не выходит. В голове туман, до конца не выветренный после лечения.

— Я же объяснял, Аша Мирсовна, Тая просила дать ей передышку, чтобы прийти в себя после несчастного случая, а уж потом пускать гостей... и родственников. Вы должны ее понять, — впервые подает голос Лобов-старший.

— Конечно-конечно. Я просто очень рада видеть внуку.

Диалог, который слушаю, нисколько не проясняет ситуацию, лишь запутывает ее сильнее, но я не спешу об этом сообщать. Уж очень четко в глазах двуликого читается предупреждение не душить.

Не душу. Но отчаянно стараюсь вникнуть в происходящее.

Бабуля в палате проводит еще десять минут. Задает несколько вопросов, на которые я, к счастью, могу дать ответы, рассказывает о себе, чтобы не волновалась: соседка ей охотно помогает, и в целом всё в порядке. Оставляет мне пакет пирожков с яблоками, которые всегда для меня печет, и бутылочку домашнего морса, затем, крепко обняв, также медленно, как вошла, выходит.

Телохранитель Лобова ей помогает. Переглядывается со своим начальником и плотно прикрывает дверь.

– Что происходит? – не выдерживаю, когда мы с отцом моего жениха, или бывшего жениха, раз Стив так ни разу меня не навестил, остаемся наедине.

– Всё происходит так, как надо, – информирует тот, облизывая губы. – Теперь ты достанешься тому, кому и должна была принадлежать изначально.

В душе вспыхивает злость. Он меня с вещью сравнивает? А достаться я должна кому? Ему что ли?

С ума сошел? Свихнулся от переизбытка власти?

Конечно же я видела высокомерие этого двуликого, когда мы со Стивом изредка приезжали к ним в гости.

Семейные ужины. Именно так назывались пафосные застолья, организуемые раз в месяц, где мать моего жениха исполняла роль радушной хозяйки, стараясь всячески угодить мужу, а уж потом остальным гостям. А Карен Лобов вел себя, как властелин мира, пресытившийся сноб и просто вопиюще наглый мужчина.

Я никак не комментировала. Зачем лезть с никому ненужным мнением в сложившийся уклад и портить отношения с будущим мужем? В каждой семье свои порядки. У них так. У нас все будет иначе... вот же наивная светлая душа.

– Вы о чем, Карен Заурович? – уточняю, сжимая под одеялом кулаки.

– Просто, Карен, Тая, – улыбается оборотень. – Для тебя... просто Карен.

Я не согласна, но пока молчу, наблюдаю.

Он отталкивается от подоконника, возле которого стоял, пока в палате была бабушка, медленно приближается и склоняется надо мной. Нависает огромной черной скалой, нарушая мои личные границы, жадно втягивает воздух рядом с виском. Потом еще раз и еще.

Замираю, не шевелясь, хотя внутри кипит настоящий вулкан.

Впервые в жизни я чувствую, что зла. По-настоящему зла на самоуправство двуликого. Мне не нравится его тон, его поведение, его самоуверенность.

Хозяином жизни он может быть где угодно, но не со мной. Начнет приставать – дам отпор. Если коснется хоть пальцем, тронет против воли, буду драться. Пусть это звучит громко и слегка наивно, учитывая, что я слабее котенка и никогда ни на кого не поднимала руку. Все бывает впервые. И сейчас я готова отстаивать себя и свое мнение.

Свое «не хочу».

Свое «не обязана».

Я – омега? Добрая, открытая, созидаящая и милосердная оборотница?

Не чувствую в себе ничего светлого. Только серую пустоту с осколками боли.

Не знаю, улавливает ли Любов-старший мое неприятие, но к большой радости отступает назад. Складывает руки на груди, хмурит густые брови, что-то обдумывая и странно меня разглядывая, потом мотает головой.

Молчаливое противостояние взглядов длится не меньше минуты, затем незванный гость все же соизволит ответить.

– Я первый тебя нашел, Таюшка, – от того, как он проносит мое имя, по спине пробегает ледяная дрожь, – вот только ты решила это проигнорировать. На сына моего залипла. Дурочка. Но ничего, я исправил ситуацию.

Каждая следующая фраза настораживает сильнее.

Подбираюсь, но продолжаю слушать.

– Настоящая истинная вправила Стиву мозги, замкнула связь на себя. Впрочем, сын не особо и сопротивлялся. Женился на Зарине с улыбкой. Можешь вечером посмотреть вчерашний репортаж в новостях. Они счастливы.

– Женился? Счастливы?

В глубине души уже не удивляюсь. Приняла. Мой жених не мог не слышать моих криков во время нападения Мининой. Но не пришел на помощь. Выходит, своим бездействием им способствовал. Да и за время моего тут пребывания

ни разу не объявился. Не проведаль. Не узнал, как я, как наш ребенок. Чем помочь? Самоустранился.

Легко и просто, будто произошло недоразумение, а не трагедия, сломавшая жизни.

– Естественно. Ты – всего лишь омега, Тая, какой бы сладкой не была. Зарина – истинная. Но есть и еще кое-что. Останься он с тобой, я бы лишил его наследства, а мой сын не привык себе в чем-то отказывать. Родство с семьей Мининых дало ему вес в обществе и огромное состояние, приданое жены.

Любовь к половинке своей души, как не больно, но это понимаю. Меркантильность, как причину, нет. Никоим образом.

– А как же наш ребенок? – привожу весомый довод в свою пользу.

– Твоя беременность была ошибкой. Стив это понял, да и тебе пора понять. Он – не твой оборотень, ты сделала неправильную ставку.

Матушка-Луна, он будто про сделку говорит, а не о чувствах, не о живом существе, которое жило и развивалось внутри меня.

– Но теперь все будет хорошо, – заявляет двуликий уверенно. – Ты займешь положенное тебе место. Станешь моей, как должна была стать изначально. А я позволю тебе родить. Не сейчас, позже.

– Вашей? – не знаю, смеяться мне или плакать. – У вас

же есть жена.

– Ну и что? Она – не истинная и даже не омега, – пожимает Карен Лобов плечами. – Просто жена. Договорной брак. А я хочу свою собственную куколку. Податливую и сладкую омежку. Я хочу тебя. Целиком. Под себя.

– Зато я не хочу, – шепчу в наглые глаза оборотня.

– А это неважно, Таюшка. Ты же не готова рисковать здоровьем своей бабушки? Оно и так у нее слабое. Смотри-ка, еле к тебе дошла. Но так рвалась. Так спешила...

Мерзавец!

Ногти впиваются в кожу ладоней, так сильно стискиваю кулаки.

А Лобов-старший уже по-хозяйски меня осматривает. С усмешкой подмигивает и уверенно добавляет, что в больнице меня продержат до конца недели, чтобы полностью снять с успокоительных (догадаться, по чьей воле в меня их вливали литрами, теперь труда не составляет), затем выпишут, а он встретит.

Не отвечаю. Да и не нужен ему мой ответ. Он все решил, в известность поставил. А я должна принять.

Должна...

А не пошел бы он в болото и не утопился?

Игнорируя присутствие двуликого, больше не произношу ни слова. Вновь укладываюсь в постель, отворачиваюсь носом к стене и натягиваю повыше одеяло.

Меня знобит от слабости и того, кошмара, в который я

снова попала. Или не выбиралась до сих пор, просто этого не понимала.

Но расстраиваться не спешу. Это слишком легко сделать: опустить руки и сдаться. А я не согласна. Мне нужно быть хитрее. Дождаться, когда врачи перестанут пичкать гадостью мой организм, и только потом включать мозг и думать, как поступать.

Ни за что не стану куколкой Лобова. Ни за что!

Я выберусь.

Ужом извернусь, но выскочу из ловушки.

Вечером, как и говорил Лобов-старший, по местному каналу показывают свадьбу его сына.

Красивую. Яркую. Веселую.

Сказочно прекрасная невеста в белоснежном платье и тонкой, как паутинка, фате, стоя напротив не менее счастливого жениха в темно-сером смокинге, произносит свою брачную клятву и получает такую же в ответ.

Родители новобрачных светятся улыбками. Мелькают сотни вспышек, чтобы запечатлеть знаменательный момент.

Гости громко улюлюкают и желают счастья.

Диктор за кадром тоже желает.

А я нет! Я больше не чувствую в себе сил созидания и милосердия, которые присущи омежкам. Я желаю молодой паре Лобовых прочувствовать на себе все то, что они сделали со мной.

Всепрощение?

Нет, я больше этим не страдаю.

Глава 3

Слова Лобова-старшего не расходятся с делом. Меня действительно на протяжении следующих дней выводят из апатично-сонливого состояния.

Уколы, после которых вырубалась на пять-шесть часов, прекращаются. Капельницы по-прежнему ставят, но те содержат исключительно витаминный раствор.

Еще вчера молчаливые, бездушные медсестры и врачи после ухода Карена Лобова меняются по щелчку пальцев. Только что из кожи вон не лезут, стараясь угодить.

Они то и дело курсируют по очереди в мою палату, то в попытке разговаривать, то угостить яблочком, пирожком, то поинтересоваться настроением. Неустанно информируют обо всех действиях, с помощью которых очищают мой организм после стресса, и сочувствуют, сочувствуют, сочувствуют.

Стресса... миленько.

Именно так все кругом называют мою якобы попытку самоубийства, упав с лестницы. Впрочем, я не спорю. Какая, в принципе, разница, что думают оборотни, о которых я навсегда забуду, как только покину стены этой здравницы.

Плевать мне на них. И на их неискреннее сочувствие, которое так легко продается и покупается, тоже.

Больше заботит своя судьба, которая в свете откровений несостоявшегося свекра выглядит мрачной и пугающей.

С некоторых пор я – больше не яркая оптимистка. Не девочка, уповающая на светлое безоблачное будущее. Не наивная самочка с душой нараспашку и открытым любящим сердцем.

Я – обожженная жизнью реалистка, уже не верящая в слова «просто так» и бескорыстные добрые чувства без выгоды.

Жестокий урок не прошел бесследно. Да и слова Лобова-старшего я услышала, осознала и приняла на веру сразу. От и до.

И то, что Стив умыл руки при первых же трудностях.

И то, что с радостью женился на своей истинной.

И то, что ребенок от обычной оборотницы, пусть и омеги, ему не нужен.

И то, что Карен Заурович меня возжелал в любовницы лично для себя.

И то, что бабуля может пострадать, если я стану дурить.

Кукловод хочет иметь улыбчивую куклу Таю и прет напролом, наглядно демонстрируя силы и серьезность намерений. Сначала организует мне на месяц состояние полуовоща в закрытой клинике, позже разрешает вновь стать похожей на разумное существо.

От щедрости незванного покровителя хочется плевать.

От его власти скрыться подальше, исчезнуть, раствориться.

От неограниченных возможностей волком быть, пусть я и так волчица.

А возможности у помешавшегося на мне двуликого огромные. Далеко ходить, чтобы их оценить, не надо. Достаточно взглянуть на одноместную комфортабельную палату с личным санузлом и небольшой, но все же душевой зоной. Таких в нашем крыле всего две. Вторая, к слову, пустая.

Это я узнаю, когда больше не занятый бесконечным сном мозг постепенно включается в работу, и у меня появляется время бодрствовать, а заодно выходить на прогулку в коридор. Благо подходящий повод тоже находится.

Я отдаю улыбчивым медсестричкам все то, что ежедневно в больших бумажных пакетах доставляет мне в палату бугай-телохранитель Карена Зауровича. Фрукты, конфеты, сладости, выпечку и прочую снедь. Даже соки и воду. Всё подчистую. Дожидаюсь, пока молчаливый пугающий меня двуликий выставит все на тумбочку и тихо покинет палату, выжидаю десять минут, на всякий случай, и, подхватив ненужные мне подачки, тащу подарочки в комнатку персонала.

Вот уж где деликатесам радуются от души. Не скупятся на естественные улыбки и громкие похвалы.

Но, главное, сквозь пальцы смотрят на мои перемещения по крылу этажа и не цепляются, когда я то замираю у окна, изучая обстановку и прилегающую территорию, то ненавязчиво и вроде между делом заглядываю в другие палаты, где больные лежат по две, четыре, а то и шесть персон, то захожу в общий туалет в конце коридора. И это при наличии своего

собственного, расположенного прямо в палате.

Просто туалет оказывается довольно примечательным местом. Сквозной, длинный, общий на два крыла этого этажа. Им то я и пользуюсь в день выписки, чтобы самостоятельно покинуть больницу.

На удивление, провернуть задуманное мне удастся довольно легко.

В десять утра я по традиции дожидаясь пакетов, в которых на этот раз помимо сладостей присутствует одежда и обувь. Киваю охраннику Лобова, который впервые нарушает молчание и предупреждает, что ждет меня в коридоре. Переодеваюсь в новые вещи. Тут без вариантов. Свадебное платье, в котором доставили в день покушения, давно утилизировано, а сбегать в ночнушке и халате медучреждения – не вижу смысла.

Затем подхватываю фруктовый набор и привычным путем перемещаюсь в медсестринскую. С искусственной улыбкой вручаю презент, выслушиваю благодарности персонала и пожелания больше не болеть, а затем забираю заранее выписанные на мое имя медицинские документы, а заодно телефон одной из работниц.

Вернувшись в палату, вхожу в приложение такси и заказываю машину. Прошу подъехать не с главного входа, а со стороны парковки. Подобное я пару раз видела, когда гуляла в коридоре и выглядывала в окно.

Остальное – дело техники. Телохранитель Лобова не вы-

сказывает ни слова против, когда я прошу минутку и бегу в общий туалет. Остается ждать под дверью.

А я не жду.

Пролетаю санблок насквозь и по параллельной лестнице спускаюсь на первый этаж, потом на улицу. Сажусь в такси и, прося поспешить, уезжаю прочь.

Нет, бежать без оглядки я не планирую.

Да и как?

Без денег. Без связи. Без одежды. Без разговора с бабушкой. Без плана.

Пусть еще вчера наивная, сегодня подобной глупости я допускать не собираюсь. Поэтому держу путь к единственному родному существу.

Моя цель проста и сложна одновременно. Не найти в слабых руках бабули защиты, но хотя бы поговорить с ней без пристального взгляда Карена Лобова, выслушать ее советы и решить, как поступать дальше.

Вздрагиваю, когда квартиру оглашает громкая пронзительная трель звонка. Хотя подспудно ожидаю её весь день.

Без подглядывания в глазок точно знаю, кто стоит за дверью на площадке.

Карен Заурович. Кто ж еще? Его приход вполне объясним.

Не может он не явиться и в обязательном порядке еще раз не ткнуть меня носом в свое всесилие. Не может пустить на

самотек то, что я послушалась его распоряжения и обвела вокруг пальца его подчиненного. Не может не указать на заранее отведенное мне место – строго под ним.

Ведь он уже все распланировал, разложил по полочкам и ярко смоделировал в своем больном, погрязшем в пороке воображении, что и как должно происходить, а я, глупая и непутевая самка, порушила его планы, создала неудобства и проявила своеволие.

Вот и приехал важный дядя, чтобы еще раз показать, кто в этом городе хозяин, а заодно припугнуть. Не сложно догадаться, почему он действует настолько нагло.

Во-первых, знает, что мне нечего ему противопоставить, и пожаловаться некому. У Лобовых все здесь схвачено. Во-вторых, думает, что хорошо изучил мою суть.

Догадываюсь, с чего.

Когда была невестой его сына, я никогда не позволяла себе сомневаться в своем партнере, доверяла Стиву во всем, прислушивалась к его мнению, поддерживала интересы, боготворила. Я любила оборотня, которого считала своим, поэтому и с его родными была милой, улыбчивой и тихой.

Семью принято уважать – это святое. Для меня.

Лобов-старший расценил такие действия, как слабость и ведомость. Посчитал, что мне достаточно пригрозить, а после приказать, и я непременно сложу лапки, склоню голову и безмолвно прогнусь в любую указанную им сторону.

Не склочница же, не бунтарка.

Больше чем уверена, даже мой побег домой к бабуле, а не в другой город, он оценил, как подтверждение своей теории. Ну как же! Раздавленная обстоятельствами, покалеченная и морально униженная девчонка, ищущая тепло и заботу.

И вот он тут как тут.

Серьезный. Богатый. Властный. Пусть жесткий, но это чтобы сразу свое место знала. Зато щедрый какой... м-м-м. Вон как обильно заваливал последнюю неделю всякими фруктами-сладостями-деликатесами. Все отделение клиники сытое и довольное ходило.

Впрочем, именно на это я и рассчитываю. Пусть и дальше считает меня трусихой и размазней, которой можно управлять. Пусть верит, что я у него под контролем...

Мне не важно его мнение, главное, выиграть время. Успеть все распланировать и провернуть с бабулей, а дальше...

Сжав зубы, переглядываюсь с Ашей Мирсовной, прищурившей светло-карие, как у меня, глаза, получаю ее уверенный кивок и иду отпирать личину.

– Добрый вечер.

Распахнув дверь, сталкиваюсь с твёрдым ледяным взглядом.

– Вечер, Карен Заурович, – вмиг напрягаюсь.

– Могу я войти?

В голове проносится несколько фраз, феерично подчёркивающих, что подобным гостям в этой маленькой двушке

на окраине, где прошла моя жизнь, совершенно не рады. С трудом, но все-таки сдерживаюсь.

Не время сейчас гонор показывать. Надо быть хитрее.

– Если честно, мы с бабулей собирались пораньше спать лечь. Она неважно себя чувствует, да и я после больницы не окрепла, – попытка не пытка.

Безумно хочется закрыть дверь перед носом этого двуликого, но нельзя. Надо терпеть. Разозлится, начнет жестить и гадости делать.

А оно мне надо? Нет. В моих интересах выслушать его на родной территории.

– Я не отниму у тебя много времени, – настойчиво смотрит, негласно заявляя, что никуда сейчас не уйдет. Усмехается и тихо, но очень уверенно добавляет, – Таюшка.

Звук собственного имени заставляет немного поежиться. Атмосфера раскаляется.

– Пожалуйста, – распахиваю дверь шире и указываю ладонью на кухню.

Лобов-старший переступает порог. Не разуваясь, проходит в указанном направлении. Неприязненно осматривает маленькую квартирку. Светлые обои, полы под дерево, цветастые занавески на окнах. От его сморщенного носа меня штормит сильнее.

И чего кривится?!

Не нравится? Так его и не приглашали, если что.

Брезгливость он демонстрирует! Но я повода не вижу.

Здесь все свежее и чистое. Я сама бабуле несколько месяцев назад косметический ремонт делала и новые шторы вешала. А то, что мебель старовата, так нас и эта, давно любимая, устраивает.

– Чай, кофе? – интересуюсь ровно, давя внутренний негатив.

Прижавшись к стене, чтобы не соприкоснуться, прохожу вперёд и выдвигаю один из двух стульев. Делаю приглашающий жест рукой.

– Чай. Зеленый.

Карен Заурович прихватывает штанины, вальяжно дергая ткань вверх, и присаживается. Медленно закидывает ногу на ногу и опускает локоть на стол.

Пижон расфуфыренный.

Он настолько не вписывается в окружающую обстановку бабулиной квартиры, где даже мой бывший смотрелся намного более уместно, что забываю про его замечание относительно чая, пока он не добавляет:

– Я люблю с жасмином.

Да хоть с ядом пещерной гадюки. Отмечаю мысленно. Запоминать предпочтения этого мужчины не имею не малейшего желания.

И, словно чувствуя, что я на пределе, в кухню медленно, слегка шаркая ногами и придерживаясь за стенку, входит бабуля.

– Здравствуйте, – кивает она Любову. – А мы гостей так

поздно не ждали.

Глава 4

– Добрый вечер, Аша Мирсовна, – проявляет чудеса доброжелательности гость. – Я ненадолго. Минут на пятнадцать, не больше. Просто хотел поговорить с вашей внучкой.

Слишком мягко стелет. Слишком учтиво улыбается.

Не к добру.

Переглядываемся с бабушкой, пока он не видит.

Она незаметно опускает и поднимает веки, давая мне молчаливое согласие и поддержку, говорит Карену Зауровичу что-то нейтральное.

Я же краем сознания отмечаю, насколько разительный контраст составляют эти двое, присутствующие вместе со мной на кухне.

Лобов. Сильный, здоровый оборотень. Подтянутый, одетый с иголочки, с легкой небритостью на лице и уверенностью во взгляде. Пропитанный слабым запахом терпкого парфюма. Приятным, но все равно тошным, потому что принадлежит ему. Желаящий завести себе племенную самочку и готовый использовать для этого любые возможности.

И бабушка с уставшим взглядом, лишним весом, больными ногами. В чистом, но давно пережившем свою вторую молодость халате. Пахнущая свежей румяной сдобой и корицей, всем тем, с чем ассоциируется в моем представлении дом. Родная, понимающая и горящая неумным желанием

спасти единственную внучку от участи быть постельной игрушкой зажавшегося чиновника.

Совершенно разные.

Сила против слабости. Богатство против бедности. Здоровье против болезни.

Но... ошибается тот, кто думает, будто у моей любимой родственницы нет никаких сильных сторон. Они есть. Их просто нужно чувствовать и видеть сердцем.

Силы воли, хитрости и упорства ей не занимать. И в этих качествах я уверенно признаю ее однозначным лидером.

– Что ж, не буду вам мешать, – спокойно произносит бабуля и медленно, шаркая подошвами домашних туфель, покидает кухню.

Провожая ее взглядом и краем глаза ловлю раскованное движение крепкой кисти.

На стол с тихим шорохом опускается связка ключей и карта. Черная, непримечательная на первый взгляд. До тех самых пор, пока на пластиковую поверхность не падает луч света и не преломляется, открывая взору матово-глянцевые переплетения линий. Даже в их изгибах я вижу наличие денег, больших денег.

– Что это?

Не то, чтобы сильно глодал интерес, но понимать, чего добивается гость, хочется.

– Ключи от апартаментов в Элада-Холле и пропуск.

Отец Стива называет самый престижный район города.

Да что там. Самый высокоразвитый деловой центр с жильем ультра премиум класса, сверх безопасностью и полным обеспечением всеми возможными структурами и досугово-развлекательными центрами, включая закрытые и открытые спортивные площадки, бассейны, в том числе на крыше одного из небоскребов под стеклянным куполом, оранжереи, галереи, моллы, детские клубы, здравницы и довольно большой парковый массив, где двуликие при желании могут не только размять лапы, но даже устроить охоту-развлечение.

Город в городе. В общем, всё-всё-всё, что только душенька желает у богатейших из богачей.

И, судя по поблескивающим на столе ключам и жадному взгляду гостя, Тая Леева с некоторых пор тоже входит в перечень услуг.

– Квартирка небольшая, но тебе понравится. Я уверен, – Лобов еще раз окидывает неприязненным взглядом окружающую его обстановку кухни. – Гардероб подберут за пару дней. Я высказал предпочтения. Мерки можешь не называть, сам знаю. Твои вещи тебе не понадобятся, чемоданы не пакуй, – прикусываю изнутри щеку, чтобы сдержаться и ничего не ответить. Не матюгнуться. – С доставкой продуктов вопрос решен. Курьер станет привозить, как только заселишься. Сразу предупреждаю: никаких гостей и, более того, ночевок посторонних. Я хочу чувствовать в доме только твой запах. Работа тебе тоже больше не нужна. Этот вопрос улажу сам, не волнуйся. Не хочу видеть измотанную и уставшую

любовницу, мне требуется свежая и цветущая. Поэтому на фитнес-центры и бабские спа-салоны даю добро. Как пере-едешь, погуляешь по району, присмотришь. Позже скинешь названия, я решу с оплатой. Ах, да, запиши мой номер телефона, чтобы всегда быть на связи.

– Нет, – мотаю головой.

На большее меня просто не хватает.

Еще чуть-чуть и разорвет от злобы и ненависти. Ишь какой молодец выискался, все распланировал, всё учел. Сам. Мне осталось только отключить собственное «я» и подстроиться. Заодно порепетировать дышать по его расписанию и тапочки в зубах приносить, когда соизволит почтить вниманием.

– Что нет? – интересуется.

Проницательный взгляд проникает в душу.

– Всё нет. Заберите, – указываю подбородком на ключи и карту.

Не хочу до них дотрагиваться. Даже случайно, пока ставлю перед гостем заказанный им чай. Кажется, одного касания будет достаточно, чтобы почувствовать себя испачканной.

Лобов на слова не реагирует, но довольно растягивает губы, почувствовав насыщенный аромат горячего напитка. Зеленый чай с жасмином, тот самый, какой он назвал.

Мысленно кривлюсь от раздутого самомнения гостя. Зря он думает, что я пожелала ему угодить. Вовсе нет. Нисколько.

ко.

Просто по странному совпадению именно данный сорт всегда хранится в доме. Экономя на многих вещах, на этот напиток мы не скупимся. Точнее, я не скуплюсь, потому что его обожает бабушка.

– Тая, ты очень неглупая девушка, – произносит мужчина, когда я, поставив вторую чашку на другой край стола, для себя, опускаюсь на стул. – И прекрасно понимаешь, я всегда получаю то, что хочу. Вся разница лишь во времени и сумме.

– Я – не вещь.

Смотрю на Лобова во все глаза.

Меня немного потряхивает. Но не из-за страха. Внутри концентрируется презрение ко всем власть имущим подонкам вместе взятым, и этому конкретному в особенности.

– Хм, ты еще слишком наивна и остаешься мечтательницей. Наверное, это неплохо, – прищуривается он, будто действительно раздумывает над озвученным и прикидывает, какие с этого можно поиметь бонусы. – Но реальность, моя девочка, такова, что в нашем мире продается и покупается всё и все. Абсолютно. У каждого есть цена.

Я – не его девочка.

Никогда ей не была. И не буду. Как бы он не планировал в своей дурной голове.

Но правду не озвучиваю. Победа не обязательно должна быть громкой. Лично мне хватит и тихой. Той, которую я отпраздную, находясь далеко-далеко от этого богача, там, где

он никогда не сможет меня найти.

Молчание длится около минуты. Напряжение витает в воздухе и грозит на меня обрушиться. Я глупо разглядываю высеченное из камня лицо: высокий лоб, хищный взгляд, прямой нос, узкие губы, острый подбородок.

– Запиши мой номер телефона, – строго повторяет Лобов свое последнее пожелание.

Добродушие тирана растворяется без следа.

Пару мгновений раздумываю, стоит ли упорствовать, и сдаюсь. Пока сдаюсь. Вытаскиваю из кармана телефон и вбиваю цифры, которые четко, отрывисто диктует мужчина.

– Умница, – похвала из его уст воспринимается особенно неприятно, как и его рука, которая бесцеремонно перехватывает пластиковый корпус и переворачивает, чтобы видеть, как я подписываю владельца номера. – Напиши, не Лобов, а Карен. Привыкай, Тая, звать меня по имени. Я больше не отец твоего жениха. Я – твой мужчина.

Ох, матушка-Луна, от жуткой перспективы накатывает тошнота. Прикрываю рот ладонью, сглатываю горячий кислый ком и начинаю часто-часто глубоко дышать.

Мерзко.

Мерзко.

Мерзко.

– Тебе плохо? Ты побледнела, – выдает оборотень.

Тоже мне мистер-очевидность.

Мотаю головой, делаю большой глоток чая, чтобы про-

толкнуть желчный ком вниз, еще один глоток. И еще. Пока чашка не пустеет.

В отличие от меня Любовь к своему чаю не притрагивается. Отмечаю это проходя, так как Карен Заурович резко меняет тему.

– Тая, не прячь от меня свой запах.

Не скрываю удивления.

– Запах?

О чем он?

– Открой свой аромат омеги, – Любовь слегка оттопыривает нижнюю губу, показательно демонстрируя, что происходящее его не устраивает и требует исправления. – Мне его не хватает. Я хочу чувствовать тебя, сладкую, исключительную омежку, а не обычную волчицу, которых вокруг пруд пруди.

Челюсть моя с грохотом обрушивается на пол.

Что он говорит? Не шутит? Реально не чувствует во мне избранную богини?

Правда-правда?

Как так?

Хотя... ладно... это потом.

Важно другое. Получается, что в больнице мне не показалось, когда редкие оборотни, появлявшиеся в нашем крыле, были спокойны и никак на меня не реагировали? Выходит, что они не чувствовали притяжения?

– Я ничего не делала, не скрывала, – потрясенно возражаю. И на всякий случай отклоняюсь до упора, пока спина

не касается спинки стула. — Вы ошиблись.

— Я никогда не ошибаюсь, — звучит самоуверенно, тяжелый взгляд прищуренных глаз давит. — Скоро ты в этом убедишься. Твой промах был в том, что ты выбрала в спутники своего сверстника. А тебе нужен мужчина постарше. Понимающий, главенствующий. Чтобы, подчиняясь, ты чувствовала себя комфортнее, раскованнее, ярче, смелее, защищеннее.

Дыхание учащается, кровь лупит в виски.

Молчу в ответ. Мне нечего сказать. Но при этом вдруг начинаю испытывать дискомфорт, одетая в шелковый домашний костюмчик на голое тело. Пусть длина широких штанин упирается в тапочки и не даёт простора для фантазии, но футболка все же открывает плечи и руки.

Матушка-Луна, мне даже в голову не пришло переодеться, когда услышала звонок в дверь! Или хотя бы накинуть на себя что-то плотное сверху. И теперь я чувствую себя раздетой. Это ужас как неприятно.

Будто считывая мои мысли, взгляд оборотня жадно пробегается по моей шее, плечам, ползёт ниже, слегка задерживаясь на шелковой кромке топа. Затем меняет направление и прилипает к губам.

— Я тебя когда в первый раз увидел, впервые в жизни захотел своему оболтусу зарядить подзатыльник. Или несколько, чтобы наверняка твоё имя из его памяти вышибить.

Оборотень поднимается и резко делает шаг в моем на-

правления. Встает вплотную, забивая своим запахом все вокруг.

Становится душно. И страшно, что задохнусь. Потому что аромат по-прежнему неприятен. Он душит и давит, как и его владелец.

– Я каждый раз мысленно себя на его место ставил, когда вы к нам приходили, – произносит низким гортанным голосом. – Или, когда за вами наблюдал.

– Перестаньте, – еле шевелю немеющими от страха губами и пытаюсь выдернуть руку из его ладони, потому что он настойчиво пленит мои пальцы.

От горячего прикосновения прошибает озноб. Голова идет кругом. Теряюсь. Это выше моего понимания. Хуже всего, что можно ожидать.

– Тая, ты роскошная женщина. Именно такая, какую я себе хочу, – обводит костяшкой пальца овал моего лица.

– Не надо, – я вся трясусь от его напора. Но сделать ничего не могу, поэтому давлю на логику. – Вы сами говорите, что у меня пропал аромат. Может... может, я больше не являюсь омегой. Потеряла особенность вместе с малышом. Подумайте, зачем вам обычная волчица? Неидеальная. Уверена, вы сможете найти себе другую. Не поломанную.

– Не говори мне об этом, – роняет с угрозой, непримиримо. Большим пальцем касается моей нижней губы. – Ты моя. Запомни. А аромат... я дам задание врачам, съездишь к ним в клинику, сдашь анализы. Вылечишься до конца и

вновь станешь моей особенной девочкой.

Матушка-Луна, реальный маньяк, дорвавшийся до власти.

Безмолвно причитаю и обмираю, когда чужая рука проskalъзывает по тёплому шёлку топа вниз и толкает тело вперед, вжимая в жесткую мужскую грудь. Вторая тяжелая ладонь опускается на затылок, ныряет под волосы и тянет за них, заставляя запрокинуть голову.

Шумный мужской вдох-выдох с присвистом обжигает кожу лица и вопящей сиреной сигнализирует о том, что ещё немного, и ситуация полностью выйдет из-под контроля... и она выходит.

Жесткие губы властно накрывают мой рот. Давят, терзают, посасывают. Чужой язык толкается, пытаюсь прорваться внутрь моего рта.

Мычу, мотаю головой, чтобы прекратить нападение.

Лобов рычит. Убирает руку со спины, обхватывает щеки и сдавливает их до боли, заставляя разомкнуть губы. Плотно фиксирует подбородок, словно не сомневается: укушу, если будет возможность, и снова атакует.

От произвола неожиданно тихо стону, беспомощность меня убивает.

Но Карен Заурович понимает это по-своему. Довольно рыкает и еще активнее хозяйничает внутри моего рта, оставляя после себя только горечь и ощущение нечистоплотности.

Глава 5

Меня накрывает паникой.

Дикой. Необузданной. Той, что наваливается пыльным покрывалом и целиком затмевает собой реальность.

Теряя ориентиры, не контролируя силу, не чувствуя под ладонями дорогой ткани мужского пиджака, но всячески желая вывернуться из цепких лап неприятного оборотня, стремясь добыть свободу и сделать-таки полноценный вдох, начинаю безудержно сопротивляться.

Отталкиваю своего пленителя. Упираюсь кулаками. Пинаюсь, верчусь и извиваюсь. Колочу по груди. Использую все доступные в арсенале средства, только бы вырваться из сковывающих объятий.

Ничего не осознаю... не соизмеряю... не сдерживаюсь. И в тот момент, когда Лобов надумывает завершить поцелуй и отклоняется, тело действует интуитивно. В защитной реакции моя рука взлетает вверх и отвешивает пощечину.

Хлесткую.

Смачную.

Такую, что звонкий хлопок сотрясает стены.

Замираем оба.

Я смотрю на него со страхом, забывая, что нужно дышать.

Он на меня, угрожающе побелев и раздувая ноздри.

– Никогда так больше не делай, – произносит пугаю-

ще-ровно спустя пару растянутых до бесконечности мгновений. Качается вперед и, прикоснувшись губами к кромке моего уха, добавляет. – Я стерпел один-единственный раз.

От обжигающего дыхания сердце срывается в дикий галоп, тело колотит. Вдоль позвоночника пробегает ледяная поземка. Мне тошно и дурно, а еще присутствует шок, что я смогла поднять руку на живое существо.

Омежка, которая решила подраться – это же нонсенс!

В шквале противоречивых эмоций единственное, что из себя выдавливаю: пару раз медленно киваю. И вмиг замираю, когда он тянется к той руке, которой его ударила, и плотно обхватывает запястье.

Не сжимает.

Не причиняет боль.

Но интуитивно я жду, что это вот-вот произойдет. С секунды на секунду.

Ожидание подобно маленькой смерти. От напряжения звенит в ушах.

– Отпустите, Карен Заурович, – негромко выталкиваю из себя слова, чтобы, не допусти богиня, не услышала и не заволновалась бабушка.

Дико неприятно, что мой голос вибрирует и ломается, выдавая неуверенность. Именно ее я бы желала скрыть всей душой.

Показывать страх – последнее дело. Особенно таким самцам, как он. Но даже то, что с силой прикусываю щеку из-

нутри, чтобы переключиться и сконцентрироваться на боли, тем самым подавив дрожь, не помогает. Во рту появляется неприятный металлический привкус, на этом всё. Озноб не проходит.

Дергаю руку в попытке вернуть себе собственное запястье.

– Тая, я просил называть меня просто по имени, – Любов не только не отпускает, но принимается поглаживать большим пальцем чувствительную кожу.

– Я не могу! Не могу! – мотаю головой в тихо назревающей истерике.

Просил он. Смех, да и только. Жаль, нерадостный. Такие манипуляторы и диктаторы, как Любов, просить не умеют, в их копилке сплошные требования и распоряжения.

– Можешь, – давит взглядом, а потом приказывает. – Повторяй за мной: Карен!

– Нет!

Отказываюсь.

– Давай, девочка. Я знаю, у тебя все получится.

Карие глаза полны снисходительности и предвкушения. Но не только. В них клубятся и резкость, и грубость, и жестокость, и одержимость, и жажда добиться желаемого. Диккий коктейль из адских потребностей.

– Не-е-ет, – упираюсь.

– Упря-а-а-амая, – тянет, смакуя. Медленно проводит языком по нижней губе, отчего она начинает блестеть вла-

гой, и усмехается. — Твоё сопротивление, Тая, меня еще больше заводит. Ты не представляешь, с каким огромным удовольствием я буду тебя укрощать, лапочка моя ненаглядная.

С трудом проталкиваю в легкие воздух.

Он чокнутый. Больной на всю голову.

Но, к сожалению для меня, реальность это не меняет. Если завтра-послезавтра не исчезну, сам он не остановится, действительно превратит меня в свою личную игрушку. Куклу, в которую будет играть, пока интересна. Одевать, раздевать, пользоваться, пачкать.

Без сожалений. Без ограничений. Без цензуры. Без мыслей, что за омерзительные поступки когда-нибудь обязательно придется нести ответственность. Если ни перед законом, то перед Луноликой богиней уж точно.

А позже, вполне возможно, он меня сотрет. Насовсем.

Почему нет?

Была, а потом исчезну. От моего малыша он же избавился. И от меня сможет, не сомневаюсь, если дам повод.

— Как вы так можете?! — шепчу убито.

Обнимаю себя за плечи ладонями, по максимуму стараясь от него закрыться, отгородиться. Мне настолько противно... точно он в грязь меня окунает.

Нервы на пределе.

Я вся на пределе.

А ему хоть бы хны. Смотрит жадно, собственнически. Ма-

нячным взглядом ласкает.

Уверен гад, что обложил со всех сторон. Что никуда от него не сбегу, никуда не денусь. Его буду. Никак иначе.

– Я же невестой вашего сына была, – напоминаю срывающимся шепотом. – Я Стиву принадлежала. Его любила. Его малыша носила под сердцем.

Пытаюсь в прогнившем от вседозволенности мозгу отыскать хотя бы крохи чего-то адекватного. Достучаться.

– Цыц! – срывается, зло оскаливаясь. – Больше этого при мне никогда не произноси. Забудь прошлое. Сотри из памяти, словно ничего не было.

Совсем дурак?

– Как? – мой взгляд транслирует неверие. – Как это сделать?

– Как угодно, – рубит колко.

Вздрагиваю.

Луна-заступница, какой же он тиран и деспот! Кошмар. Не хочу находиться с ним рядом. Поскорее бы ушел! Пожалуйста, богиня, помощи! Пожалуйста! Пожалуйста! Достаточно на сегодня потрясений.

– В общем так, Тая, – Лобов стучает пальцами по столу. – Ключи и карту я оставляю. Точный адрес квартиры скину сообщением. На сборы и прощания с бабушкой даю двое суток. Все равно врачи настояли, чтобы первые пару дней тебя не трогал, дал адаптироваться. Так что цени, даю. В среду утром переселяйся. Приеду к обеду, выведу тебя в ресторан.

... на поводке с ошейником со стразиками...

Добавляю мысленно и отсутствующим взглядом наблюдаю, как самоуверенный деспот разворачивается и неторопливо выходит из кухни. Не прощаясь, распахивает входную дверь и покидает квартиру.

Затвор тихо щелкает, замыкаясь, а я так и стою. Ни жива, ни мертва.

Слов нет... просто нет!

И сердце не бьется.

Но!

У меня есть два дня отсрочки. Целых два дня, чтобы спастись. Это гораздо больше, чем мы с бабулей рассчитывали.

Глава 6

Засыпаю травяной сбор в заварочный чайник, добавляют корочки лимона, мяту и лесные ягоды, заливаю всё кипятком. Перемешиваю, закрываю крышкой и накидываю сверху плотное вафельное полотенце. Нужно выждать пятнадцать минут, чтобы отвар настоялся.

Переключаюсь на пирожки. Перекладываю несколько из большого блюда на картонную тарелку и отправляю в духовой шкаф, чтобы подогреть. Расставляю на столе чашки, сахарницу. Кладу ложечки.

Последовательность действий настолько привычна, что руки справляются без участия мозга. Он занят другим. В голове, как в растревоженном улье, роятся неугомонные тяжелые думы.

Сегодня уже вторник. Время близится к обеду, а новостей, которых мы так с бабулей ждем, пока нет.

И это беспокоит. Меня. Но не мою обожаемую родственницу.

– Таюшка, все будет хорошо. Отставить панику, – негромко произносит она, подбадривая теплой улыбкой. Та сияет не только на тонких бледно-розовых губах, но и отражается в глазах, взирающих на меня с любовью и нежностью.

Бабуля сидит в любимом кресле возле окна, прикрыв ноги клетчатой шалью, хотя на улице стоят теплые летние деньки,

и ловко орудует спицами. Пальцы ее так и бегают, так и бегают. Ловкие, неугомонные, удивительно гибкие. Накидывают петли, поддевают и протаскивают нежно-голубую нить, а затем отлаженным движением закрывают петли и принимаются за следующий, аналогичный предыдущему шаг.

Щелк. Щелк. Щелк.

Мерный тихий цокот спиц успокаивает.

– Ты такая сильная, не то, что я. Я тебя обожаю, – признаюсь, отвлекаясь от наблюдения за четкими движениями родных рук, сокращаю между нами расстояние и обнимаю свою обожаемую родственницу.

Если бы не она... сомневаюсь, что держалась бы так спокойно. Давно бы сдалась и начала носиться по потолку и заламывать руки.

А так, ничего. Держусь. Равняюсь на великолепную Ашу Мирсовну, всегда встречающую неприятности с высоко поднятой головой.

– Ну-ну, милая, – обнимает она в ответ и ласково поглаживает по плечу, – ты тоже очень сильная. Я точно знаю, поверь своей старушке на слово. А то, что растерялась немного – это не беда. Все мы время от времени испытываем неуверенность.

– Даже ты?

– Конечно, Таюшка. Я же живая, – подмигивает. – А тебе напоминание: никогда даже в мыслях на себя не наговаривай. Не умаляй собственных достоинств. Верь в свои силы и

принципы. И тогда все будет получаться. Поняла?

– Да.

– Вот и правильно. Мы справимся, внученька. Всегда держи в голове, что мы справимся, и не переживай.

– А если...

Сцепляю руки перед собой и потираю похолодевшие ладони. Из-за нервов они время от времени мерзнут.

– А вот о плохом нечего думать! – рубит на корню бабуля мои заполошные страхи. – Кликать зло – последнее дело. Все получится, не сомневайся. Омежки друг друга не бросают. Это главное правило таких как мы.

Улыбаюсь ей, проникаясь уверенностью. И, как назло, именно в этот момент вспыхивает экран телефона.

На автомате дотягиваюсь. Небрежно пробегаюсь глазами... о матушка-Луна! Отнимаю руку как ошпаренная. Тут же потрясенно сажусь на первый попавшийся стул и притягиваю колени к груди. Гляжу на телефон, как на ядовитую змею.

Нет! Только не это!

Заставляю себя вновь взять мобильный и прочесть сообщение.

«Тая, добрый день. Мне стало известно, что вчера ты посещала офис, чтобы уволиться... именно в то время, когда там был Стив. Надеюсь, эта не была попытка с твоей стороны встретиться с моим сыном за моей спиной. Но в любом случае, я меняю нашу договоренность. Жду тебя в квартире

уже сегодня. Не позднее десяти вечера. Твой Карен»

Подрагивающей рукой протягиваю телефон бабуле, а когда та кивает, что прочитала, блокирую экран и запикиваю подальше.

Сердце колотится, как ненормальное. Пытаюсь его усмирить, но не выходит. Дурно.

Не могу дышать. И думать не могу о том, что если наш план провалится, то Лобов уже сегодня вечером вновь станет меня трогать! Мерзко.

Карен...

Фу! От одного только его имени корбит! А от близкого нахождения... да я же умру.

Хватит!

Резко одергиваю себя. Ничего он мне не сделает, потому что не успеет. У нас все получится. Раз бабуля верит, то и я верю.

К черту Лобова!

К черту его слабака-сыночка!

Всё у меня будет хорошо!

– Бабуля, а давай пить чай? – подрываюсь на ноги и начинаю вертеться, чтобы разлить напиток по чашкам и достать подогретую сдобу.

Пока наслаждаемся терпким ароматом крепко заваренного напитка, еще раз проговариваем все нюансы.

– Нервничать будешь только на начальном этапе, когда выходишь из дома, Тая. Это даже важно. Твоя паника будет

уместна и правдоподобна. Уверена, головорезы Лобова, которые за тобой следят и всё докладывают начальству, этот момент не упустят. Не зря же про Стива в сообщении Карен упомянул. Значит, они сделали акцент на возможной встрече, как мы и планировали. Зато пропустили то, что ты не только одним днем уволилась и получила компенсации, но и стерла все свои следы, а заодно закрыла и обналачила все счета.

– Поняла, – киваю, отщипывая от пирожка кусочки, и отправляю их друг за другом в рот.

– Следующее. Как только останешься одна – чтобы больше ни-ни. Берешь эмоции под замок. Серьезность, вдумчивость. Никто не должен ничего заподозрить. Обычная волчица, идущая по своим делам или едущая в гости к родственникам. Неважно. Твоя цель – раствориться в толпе и стать неприметной. Понимаешь?

– Да, бабушка.

– Хорошо. Дальше. Телефон не выключай. Лучше всего подкинь кому-нибудь. Его скорее всего тоже контролируют.

– Сделаю. Была мысль просто забыть под сидением в автобусе, пусть катается.

– Ага. Мне нравится идея. Следующее. Ближайшие несколько лет не пытайся выйти со мной на связь. Вряд ли Лобов так просто сдастся. Слишком уж крепко он в тебя вцепился, поэтому будет землю носом рыть долго и тщательно. Береги себя и не переживай за меня. Тут зависимость про-

стая. Пока он не знает, где ты, не может тебя мною шантажировать. Улавливаешь?

– Да. Ты в безопасности, пока в безопасности я.

– Верно, милая. И еще. По поводу сущности омежки.

Настораживаюсь. Этот вопрос мы с бабушкой не обсуждали, хотя я видела, что она время от времени будто бы прислушивается к моей волчице.

– Ни я, ни Тайла больше не чувствуем в себе этого созидющего начала, – произношу то, что обсуждала со своей сущностью и вчера, и позавчера, и несколько дней назад. – Словно внутри, там, где душа, лампочка перегорела и погасла.

– Я знаю, дорогая, о чем ты говоришь.

На глазах всегда стойкой Аши Мирсовны вспыхивают слезы, но пара взмахов ресницами, и мне кажется, что всё произошло. Она снова спокойная и уверенная в себе оборотница.

– Расскажи, – прошу, отодвигая сдобу в сторону, и обхватываю обеими ладонями ее сухонькие пальцы.

Бабуля не сопротивляется, и я впервые выслушиваю очень краткий рассказ о том, как погиб ее истинный, и как она хотела отправится за ним следом, но не смогла. Не с кем было оставить мою мамочку, тогда совсем-совсем еще кроху.

– Мои способности омеги тогда тоже отключились. Или я их отключила сама, потому что очень и очень разочаровалась в судьбе, и никто мне больше был не нужен, – заканчивает она свой рассказ.

– А позже... получается, всё вернулось?

– Да, когда родилась ты. Я была так счастлива твоему рождению, что душа будто снова ожила.

– Новое эмоциональное потрясение с положительной окраской, – произношу я задумчиво, еще раз мысленно прокрутив все факты.

– Точно.

– Выходит, моя безопасность не навсегда? – делаю неутешительный вывод. – Быть серой и неприметной оборотницей всю оставшуюся жизнь у меня не выйдет. В какой-нибудь момент сама не замечу, как вновь стану той, которую все вожделеют и желают присвоить.

Прикусываю губу до жгущей боли и печально качаю головой.

– Тая, не паникуй раньше времени. Это тебе с Лобовым не повезло. Но поверь мне. Практически везде омежек ценят, любят и защищают, а не похищают и держат в неволе. Все будет хорошо, девочка моя.

Киваю.

И правда, зачем раньше времени себя накручиваю?

Сейчас-то я обычная волчица, и это несомненный плюс, дающий шанс незаметно исчезнуть. А что будет завтра – то будет завтра.

Глава 7

– Ну всё, пора, – кивает мне бабуля, когда в дверь раздаётся странный стук: два громких удара – пауза – три коротких – пауза – ещё три коротких.

Потом достает из кармана маленькую круглую баночку, высыпает из нее на ладонь две продолговатые капсулы бледно-серого цвета и, проглотив их, обильно запивает водой из бутылки.

Переглядываемся.

– Звонить? – уточняю, чувствуя, как потеют ладошки.

Вот он. Переломный момент. Финал прошлого и старт будущего.

Мой выбор, когда я должна определиться: рискнуть и вырваться из-под власти озабоченного двуликого, чтобы обрести свободу, или сложить лапки и сдаться, став безвольной куклой под гнетом тирана.

– Звони, Тая.

Категоричности и бесстрашия у бабушки не занимать.

Сила и упрямство светятся в ее остром взгляде. Непокоримость и мощь чувствуются в уверенных движениях. Дерзость и решительность поглядывают в гордо вскинутом подбородке.

Целую секунду с восхищением смотрю в ореховые, как у меня, глаза. Пропитываюсь и заряжаюсь близкой по духу

энергией, а затем, подбадриваемая улыбкой, киваю, беру в руки телефон и набираю номер неотложки.

Дожидаюсь соединения, следом стандартного приветствия сотрудника медучреждения и на полную мощность включаю актерское мастерство. Жалобно всхлипывая, рассказываю, что пожилой женщине вдруг резко стало плохо, и, заикаясь, прошу выслать бригаду экстренной помощи по домашнему адресу.

Я настолько ярко вживаюсь в роль мечущейся в испуге родственницы, что осознаю текущие ручьем слезы, только ощутив щекотку на щеках. Смахиваю их ладонью, а они все катятся и катятся, не переставая. Как полноводная река, вдруг вышедшая из берегов.

Внутри вымысел переплетается с реальностью, обида на Лобова вскипает до небес, а еще меня размалывает на части от боли скорого расставания с той единственной, по кому я буду ужасно скучать, потому что люблю и безоговорочно доверяю.

Мне очень тяжело понимать, что дальше наши пути с бабулей расходятся. На долгие годы. Дай матушка-богиня сил, чтобы не навсегда.

С сегодняшнего дня мне придется стать самостоятельной на все сто процентов. Пусть я и раньше ей была, но всегда знала, что за плечом есть поддержка родного существа.

Теперь же я стану одиночкой. Мне больше не на кого будет опереться. Не у кого попросить совета. Не с кем поде-

литься радостями и печальями. Нам нельзя будет общаться друг с другом по телефону. Переписываться письмами и в сети – тем более. Ничего нельзя, чтобы обхитрить богача с неограниченной властью и обеим жить в спокойствии.

Последний раз горько всхлипнув, выслушиваю слова поддержки и заверения, что скорая уже в пути и прибудет в течение двадцати минут. Благодарю, сбрасываю вызов и, шумно выдохнув, ликвидирую с лица всю сырость.

Пока сырости достаточно.

Бабуля, приподняв бровь и качнув в знак поддержки головой, поднимает вверх большой палец. Ага, оценила спектакль. После чего резво подскакивает на ноги, будто те никогда не болели, и семенит к входной двери.

Что за гость пришел – я не в курсе и узнавать не спешу. Меня просили не высовываться, предупредив заранее: «Меньше знаешь, крепче спишь!» И я держу слово. Не высовываюсь.

Провожая ее взглядом и забираюсь на табурет. Достая с верхней полки высокого шкафа заранее собранную в поездку сумку и еще раз изучаю содержимое.

Нет, я прекрасно помню всё, что лежит внутри, до последней мелочи. Просто этим себя успокаиваю. Там упаковано лишь самое необходимое: сменное белье, бутылка воды, пара питательных батончиков, мини-аптечка и наличность. Никаких банковских карт, никаких гаджетов, даже самых простеньких. А документы...

– Держи, милая. Вот твои новые метрики, – протягивает вернувшаяся Аша Мирсовна комплект: паспорт, водительские права, диплом об учебе и страховку. – Я просила сменить имя и фамилию на созвучные, чтобы тебе не пришлось долго к ним привыкать. Кажется, вышло неплохо.

Открываю еще похрустывающий жесткой корочкой документ. Убеждаюсь, что он совершенно такой же, как был прежний. Прямо один в один.

– Ого, как здорово, – комментирую, вчитываясь в свое новое имя. – Была Тая Леева, а стала Тальяна Буклеева. Прикольно. Мне нравится.

– А фотография?

– Тоже миленькая, – разглядываю себя измененную.

На снимке я выгляжу иначе. Старше. Волосы заметно темнее и уже не достигают поясницы, как в настоящий момент. Коротко и дерзко подстрижены. Из-за этого лицо кажется уже и скуластее, а глаза темнее и глубже.

Но так даже лучше.

– Я непременно забегу в салон и сделаю прическу точь-в-точь, – ставлю себе дополнительную задачу.

Бабуля кивает, поддерживая идею.

Все оставшееся время мы с ней не расстаемся. Сидим, прижавшись к друг дружке, держимся за руки и практически не разговариваем.

Да нам и не надо, мы чувствуем нашу связь без слов.

– Я буду очень-очень по тебе скучать, – произношу одни-

ми губами, когда с улицы раздается звук приближающейся сирены неотложной помощи.

– Я тоже, Таюшка. Береги себя, моя девочка, и верь: все будет хорошо.

Целую ее в щеки. Она меня. Мы обнимаемся в последний раз, а дальше начинается такой круговорот, что только успевай ориентироваться.

Аша Мирсовна глотает третью капсулу и заваливается на диван, теряя сознание. Напугаться из-за обильной пены, которая начинает идти у нее изо рта, не успеваю, отвлекает бригада медиков в голубых костюмах, ворвавшаяся в квартиру почти бегом. Дальше четкие профессиональные действия спасателей.

Проверка зрачков, давления, сердцебиения, экспресс-анализ крови, срочные инъекции. Профи действуют отлаженно и четко, изредка перебрасываются негромкими фразами, хмураясь и пытаясь поставить диагноз.

Я жмусь у стенки и горестно всхлипываю. Уж очень реалистично выглядит устроенный бабулей розыгрыш.

– Мы ее госпитализируем в центральную клиническую, – раздается ожидаемое, а неподвижное тело оперативно, но аккуратно грузят на носилки.

– Я поеду с вами, – произношу четко, чтобы не осталось ни капли сомнений.

Но никто и не сопротивляется. Внимание отнимает пациентка и ее показатели жизнеспособности.

Перекидываю через голову лямку сумки, секунду трачу, чтобы мысленно проститься с домом, и твердой рукой захлопываю дверь опустевшей квартиры.

Всё.

Назад пути нет.

Дальше – поездка по улицам города, больше напоминающая гонку с препятствиями, когда только вопящая сирена и мигающие проблесковые маячки дают зеленый свет по запуженным автомобилями улицам.

Но и это не спасает.

Через десять минут случается ДТП. Безопасное с точки зрения вреда нашим жизням, но фатальное для кареты скорой помощи. Пробитое под ноль колесо однозначно заявляет, что двигаться дальше мы не можем.

Зато может двигаться другая машина неотложки, которая по удивительной случайности проезжает мимо.

Время идет на минуты. Показатели бабули стремительно падают. Кислород не помогает. Поэтому транспортировка больной в исправную карету происходит на бегу и нервах.

В шуме и гвалте, созданными аварией и незапланированными мероприятиями, никто и не замечает, как одна маленькая юркая оборотница в моем лице перемещается не в новую машину неотложки, а ныряет в заблаговременно распахнутую дверь минивэна с тонированными стеклами.

И с этого мгновения наши с бабулей пути окончательно расходятся.

Меня увозят прочь, попутно заверяя, что Аша Мирсовна в надежных руках, и для нее уже подобрана лучшая клиника, а мне стоит думать о себе.

Соглашаюсь и получаю краткие инструкции: где выходить, куда двигаться и в какую машину пересаживаться. Выполняю без нареканий. Смена транспорта происходит трижды, пока мы не преодолеваем несколько городов в южном направлении.

– Хвоста за нами точно нет, но советую быть осторожней, – произносит молодая волчица, останавливаясь на пересечении двух улиц возле неприметного салона, как я ее попросила. Протягивает мне плитку горького шоколада и с улыбкой подмигивает. – Желаю удачи, омежка.

– Спасибо, омежка, – благодарю от души и уже совсем иначе смотрю на дар, которым меня наделила богиня.

Он – не зло. Он – моя суть, как и всех тех, кто сегодня мне от души помогал. И я совершенно точно не буду против, когда, а не если, он вернется назад.

Помогать другим – моя суть, несмотря ни на что.

Спустя час после того, как вхожу, я покидаю парикмахерскую. И отныне полностью соответствую своему новому образу на документах. В небольшом магазинчике меняю гардероб, запихивая старые вещи в рюкзак, купленный там же, и уверенно держу путь в сторону железной дороги.

Покупаю билет до конечной станции прямо у проводницы, потому как поезд уже отправляется, и еду... да, куда-то

бездумно еду, пока не слышу разговор двух товарок, занимающих соседние со мной места, что скоро их пересадка.

Они обсуждают добродушных соседей, помогающих друг другу, хороший урожай, которого нынче ждут, жаркое лето, богатую уловом речку, шикарный хвойный лес и свой небольшой поселок, до которого добираться больше двух суток, настолько глубоко на юго-востоке он прячется. Но, главное, они говорят о том, что так просто туда не попасть. Для достижения конечной цели нужно совершить несколько пересадок. После поезда пересесть на автобус, потом на электричку и снова на автобус.

– Скажите, а домик в вашем замечательном поселке будет дорого снять? – интересуюсь, поддавшись интуиции.

– А тебе зачем? – прищуриваются женщины, бросая в мою сторону оценивающие взгляды. – От закона что ли прячешься?

– Нет, от шума большого города и жениха, который изменил, – отвечаю, глядя в глаза сначала одной, а потом другой.

Не знаю, откуда приходит предчувствие, что врать им не нужно, поймут, но я им проникаюсь и говорю пусть не всю, но всё же правду.

От этого, как оказывается позже, очень выигрываю.

Глава 8

Четыре года спустя

– Тальяна, милая, выручай, нам твоя помощь требуется, – Тисовна заглядывает в небольшую каморку, прилегающую к процедурному кабинету, где я выполняю рутинную, но любимую мною работу – мою и стерилизую инструменты.

– Опять Сэм? – уточняю, не оборачиваясь и не спеша срываться с места.

Вместо этого, прикусив кончик языка, наклоняюсь над биксом и аккуратно подцепляю щипцами предпоследнюю иголку. Засовываю ее в крафт-пакет, запечатываю и откладываю в сторону. Туда, где уже скопилась приличная горка аналогичных.

– Конечно, он, – слышу в голосе нашей поселковой фельдшерицы ехидную улыбку. – Кто ж еще будет так настойчиво терпеть боль и ждать одну-единственную спасительницу, которой доверяет.

Улыбаюсь в ответ.

Тисовна не сердится и не ревнует, просто подкалывает в своей излюбленной манере. Как делает, дай Лунолика память, на протяжении последних трех с половиной лет.

С того самого раза, когда один маленький неугомонный оборотень решил удрать подальше от родительского дома в поисках приключений на свою мохнатую попу. И нашел их,

как оказалось, довольно быстро. Когда неся по лесу, не глядя по сторонам, случайно поскользнулся на влажной после дождя листве и свалился с пригорка в овраг, угодив прямоком в густые заросли терновника.

В итоге сильно подрал себе шкурку и подвернул лапу, а попутно нацеплял колючих шипов везде, где только можно и нельзя. Включая теплый бархатный нос.

Нашли его тогда быстро и без раздумий потащили в медпункт. На всякий...

Вот только как назло, Тисовна, единственная медичка на многие километры вокруг, в тот день отсутствовала. Уезжала с семьей по своим личным делам, какие у нее время от времени случаются, и обещалась вернуться не раньше следующего вечера.

В амбулатории находилась я одна. Ни разу не медик и даже не санитарка, а всего лишь помощница на добровольных началах, занимающаяся обработкой инструментов.

Однако, данный факт не смутил ни переволновавшихся отца с матерью, ни самого волчонка. Последний вообще был дико настойчив: скулил, порывивал и, как магнитик, тянулся к моим рукам, не реагируя на просьбы обернуться. И так вышло, что именно мне выпала честь заниматься маленьким неугомонным пациентом, а заодно попутно держать связь и консультироваться с Тисовной по телефону.

Всё закончилось удачно.

Пацаненка я подлечила. Благо, обработать раны антисеп-

тиком труда не составило, забинтовать лапу тем более, а ставить уколы я научилась еще в школе, когда бабуле каждые три месяца прописывали витаминные комплексы.

И все бы ничего, помогла и помогла, разошлись, забыли, но...

Но через сутки, когда Сэма привезли на осмотр к вернувшейся из поездки фельдшерице, а заодно решили снять повязки, выяснилось, что все раны, большие и малые, подчистую затянулись.

Не осталось ни следа, ни намека.

Увидев «чудо», конечно, регенерацию двуликих никто в сторону отметить не стал. Но даже с натяжкой вышло уж слишком по времени скоро. Подозрительно скоро. И единственным объяснением могло быть только то, что я...

В общем, Тисовна, одна из тех двух женщин, которых четыре года назад я встретила в поезде и позже уговорила прихватить меня с собой, обещая не быть проблемой; кто сдал мне жилье умерших родителей за символическую плату; кто взял к себе в помощницы, чтобы таким образом аккуратно со всеми перезнакомить и превратить из чужачки в свою местную, что в удаленном от цивилизации поселении является особенно ценным... именно она спустя шесть месяцев догадалась, кто я есть на самом деле.

Догадалась, но не рассказала эту тайну ни одной живой душе, ни единой. И не потому что я попросила, хотя попросила, конечно же. А потому что она сама по себе очень чут-

кая и понимающая женщина.

Но еще чуток ехидная. Этого не отнять. Оттого изредка, смеясь и подкалывая, пока никто не видит и не слышит, она стала называть меня неправильной омежкой. А все по причине того, что помогать другим, делясь энергией и подпитывая силами Луноликой, как подтвердил случай с Сэмом, я не разучилась, но потеряла ту самую очевидную отличительную черту жемчужины богини – притягательный аромат.

Да, за полгода, через которые меня рассекретили, он так у меня и не восстановился. Как нет его и поныне, спустя четыре года.

И такое положение неправильной омежки меня не просто устраивает. Я кайфую, я дышу, я парю, испытывая дикий восторг каждый прожитый день.

Еще бы!

Я больше не маяк для одиноких самцов. Не цель. И не средство.

Мужчины не смотрят на меня голодным взглядом, как на сочный кусок мяса. Они не чувствуют мою особенность. Они не догадываются, что я легко могу составить им идеальную пару и подарить многочисленное потомство.

Они видят перед собой обычную двуликую, одну из многих. Воспринимают спокойно и ровно.

А я ощущаю не иначе как высшее благо.

Мне больше не нужно скрываться и дрожать, ожидая, что еще один ненормальный слетит с катушек и захочет меня

присвоить. Не нужно маскироваться. Не нужно ходить и оглядываться.

Я без страха передвигаюсь по улицам по утрам и вечерам. Я живу в доме на окраине поселка, и не испытываю ни капли дискомфорта. Я счастлива в одиночестве.

Почти счастлива.

Бабули мне очень и очень не хватает. Я скучаю. Крепко. Но держусь, ведь это наш общий сознанный выбор, который мы приняли единогласно.

– Значит, мой постоянный пациент опять подрался? – возвращаюсь мыслями в настоящее.

– А то как же, Тай. Куда ж без этого, – ворчит Тисовна по привычке, хотя любой в поселении знает, что эта женщина в любое время дня и ночи готова прийти на помощь. – Опять свой авторитет друзьям доказывал.

Хмыкаю.

Вот уж точно подмечено.

Сэм за прошедшие годы заметно подрос, а вместе с этим подросли его амбиции, горячий норов и взрывной характер, требующие, если что не по его капризной душе, постоянных доказательств и подтверждения лидерских качеств не только среди сверстников, но и тех, кто постарше.

Выходит, снова с кем-то силами мерился.

– Сильно поцапались?

– Да как обычно. Синяки, ссадины, открытых переломов нет.

– Понятно. И с кем на этот раз?

Сдун челку с глаз, ныряю пинцетом в стерилизационный контейнер и, затаив дыхание, будто это поможет сработать оперативней, вынимаю последнюю иглу.

Ну вот и все. Справилась.

Запечатываю последний крафт-пакет и с удовольствием стягиваю латексные перчатки. Не люблю их надевать, но, к сожалению, иначе никак нельзя. Стерильность, стерильность и еще раз стерильность.

– С Тайлером.

Хмурюсь, пытаюсь понять, о ком идет речь. Но никого с похожим именем, как ни стараюсь, припомнить не могу.

Сдаюсь. И, не скрывая удивления, интересуюсь:

– А это у нас кто?

– Сын Бирины.

Качнув головой, даю понять, что яснее не становится. Но задерживаться в камере, чтобы удовлетворить любопытство, не спешу. Поговорить с Тисовной всегда успеем. А Сэму нужно помочь. Раз фельдшерица пришла за мной, не став дожидаться скорого завершения работы, значит, по всему выходит, подрались мальчишки неплохо, и у них есть, что лечить.

К тому же испытываю странную потребность взглянуть на неизвестного Тайлера своими глазами, как и составить о нем собственное мнение.

«Зачем мне это нужно?» – другой вопрос, ответа на кото-

рый пока не знаю.

Но, привыкшая ориентироваться на интуицию, и в этот раз полагаюсь на нее.

В процедурную захожу следом за Тисовной. И совершенно не удивляюсь тому, что она не идет к насуплено сдвинувшему брови Сэму, сидящему на кушетке, поджав ногу. Однако, слегка подвисяю, когда она игнорирует и второго, смуглого очень тощенького оборотня, расположившегося на стуле напротив, и неторопливо направляется к рабочему столу у окна. Садиться на стул и придвигает журнал пациентов, будто нет ничего важнее, чем его в этот момент заполнять.

О, как интересно.

То есть, предоставляет мне право действовать самостоятельно не только в отношении знакомого мелкого драчуна, который упорно признает лишь меня своим врачом, но и в отношении незнакомца.

Ла-адно.

«Разбер-р-ремся!» – добавляет Тайла, принюхиваясь.

– Привет, бойцы, – перестав гипнотизировать медичку, поворачиваюсь сначала к одному ребенку, потом ко второму и привычно сканирую видимые части тел обоих.

Отмечаю красноватый нос и наливающийся синевой фингал у одного, поцарапанную скулу и сбитые костяшки на руке другого.

Не считая взъерошенных волос и поблескивающих задором глаз, это в общем-то и всё.

Одежда чистая. Не порвана и не испачкана, что исключает масштабную драку, при которой оба оборотня непременно изваляли бы друг друга в грязи, которой вокруг немеряно, благодаря сезону затяжных дождей. И кровью от них не особо пахнет. В этом со своей волчицей соглашаюсь полностью. Лишь легкий флер железа присутствует в насыщенном кислородом воздухе, но он только подтверждает уже начинающиеся затягиваться царапины и ссадины. Не более.

– Привет, Тая, а я тебя ждал, – бодренько выдает Сэм, расцветая, когда наши взгляды пересекаются.

Вот же подрастающий семилетний ловелас, ни дать, ни взять.

Улыбка очаровательно-задорная, темные густые ресницы веерами, да еще ямочка на подбородке. М-м-mmm, очаровашка, хоть и паренёк.

– Ждал? – подшучиваю, – это мило.

– Ага, – соглашается, становясь совершенно серьезным, и таким же важным тоном продолжает. – Знакомься. Это мой друг Тайлер, – и следом уже не мне. – Тай, я тебе про эту мою Таю рассказывал.

Усмехаюсь в душе, когда слышу потребительское «мою». Надо же, уже и присвоить успел.

– Привет, Тайлер, – киваю новенькому, более внимательно его изучая.

На вид – чуть помладше Сэма. Не знаю, с чего так решаю, ведь по росту он явно чуть выше, но зато тощенький-то-

щенький. В чем только волчья душа теплится? Личико узкое, темные волосы слишком отросли и требуют стрижки, отчего челка падает на глаза. Цвет глаз не разобрать, но смотрят на меня безотрывно и насторожено.

– Здравствуйте.

Голос серьезный. И в отличие от своего друга, Тайлер не улыбается. Ведет себя более взросло и собранно, будто ожидает...

Чего?

Неужели, что прогоню? Не стану оказывать помощь? Не поверю, что их надо лечить, и велю проваливать прочь? Еще и отругаю, пригрозив...

Стоп-стоп-стоп!

Откуда такие мысли? Откуда жуткая неуверенность? Откуда огромный страх быть отвергнутым и... всё же призрачная надежда понравиться, почти погасшая и утопленная так глубоко, что почти неразличима?

Матушка-Луна, да что с этим мальчонкой не так?

Кто его обидел?

Кто внушил, что помогать ему никто не захочет?

Кто посеял сомнения в доброй, но ранимой душе?

Глупости же! Все детки равны. Все любимы. Разве ж может быть иначе?! И я с удовольствием осматриваю обоих, лечу их, еще и чаем с конфетами напою.

Вот только жалость демонстрировать нельзя.

Это моя Тайла уже ощущает и дает совет.

Я соглашаюсь.

Да, нельзя. Тай – мальчик маленький, но уже достаточно гордый. И глаза, пусть детские, а взгляд до нутра пробирает. Как у существа, повидавшего много плохого.

– Та-а-ак, ну, и кто из вас первый будет моим пациентом? – вопрошаю, ставя руки на пояс и пряча улыбку за слегка прищуренным взглядом. – Кто самый смелый волчок?

– Я!

– Я.

Мне нравится, что Тайлер, к которому я на каком-то глубинном уровне мгновенно тянусь, не остается в стороне, а смело отвечает.

– Не боишься врачей? – подмигиваю ему, желая еще больше приободрить. – Это Сэм меня знает, а для тебя я незнакомка...

– Нет. Не боюсь, – вскидывает острый подбородок, глядя на меня во все глазенки. Темно-синие, как теперь различаю.

– Замечательно. Тогда слушайте решение, мои смельчаки. Сначала я лечу Тая, а Сэм мне ассистирует. Потом вы меняетесь местами. Я лечу Сэма, а Тай в помощниках. А вот дальше... – делаю паузу и киваю в сторону фельдшерицы, – мы дружно вчетвером пьем чай, и вы нам с Ирхой Тисовной, хорошие мои, рассказываете, с чего вдруг решили подраться.

Волчата мигом переглядываются, будто мысленно договариваются, как быть. Потом слаженно кивают.

Согласны.

Не успеваю выдохнуть, что контакт налажен, как раздаётся неуверенный голос Сэма:

– Тая, а что значит: ассистировать?

Переглядываюсь с хозяйкой амбулатории, не скрывающей веселья и в открытую наблюдающей за нашим общением, и с удовольствием поясняю:

– Помогать, дружочек. А для этого у вас обоих должны быть чистые ручки. Поэтому друженько идем за мной к раковине и делаем так, как я показываю.

В итоге втроем умещаемся возле крана с теплой проточной водой и не менее пяти минут тратим на то, чтобы кожа не только стала розовой, но и поскрипывала от чистоты. А позже я умышленно затягиваю процесс лечения, чтобы мальчишки смогли прочувствовать важность тех поручений, которые я им даю, и необходимость выполнять их тщательно и четко.

Благо, других пациентов, на которых Ирхе пришлось бы отвлекаться, нет. Да и у меня свободного времени достаточно. Могу не спешить. Старые задания, за счет которых имею средства на счету и не бедствую, я выполнила и отправила заказчику, а новые мне пока не присылали.

– Вот так, да, вы оба – молодцы, – хвалю обоих оборотней, когда лечение завершается.

Радует то, что я нисколько не ошиблась в своих наблюдениях. Серьезных ран у мальчишек, к счастью, не оказалось. Царапины мы обработали антисептической присыпкой, си-

няки намазали разогревающей мазью с добавлением выжимки из целебных трав, а пластыри мои помощники клеили друг другу всего лишь для того, чтобы подчеркнуть боевые «раны» каждого бойца, нежели для дела.

– Так зачем же вы всё-таки подрались? – не скрывает Тисовна любопытства, когда мы вчетвером уже сидим за столом.

Пока я с мальчишками убирала инвентарь и лекарства в шкафчики, наша добросердечная фельдшерица успела нагреть чайник и выложить на красивую тарелочку пирожки и печенье, а заодно открыть коробку конфет, которые у нас обычно не переводятся.

– Чтобы была причина прийти к Тае, – не моргнув глазом, выдает Сэм.

А Тай просто кивает, поддерживая друга.

– Значит, вы и не ругались?

Озвучиваю догадку, пришедшую еще в ту пору, пока знакомилась с сыном неизвестной мне Бирины.

– Нет.

– Нет.

Звучит одновременно от обоих мальчишек.

– Ох, ну и хитрецы, – улыбаюсь им по очереди, скрывая в душе беспокойство.

Не знаю, как Тисовна, а я заметила на руках Тайлера еще кое-что кроме отметин псевдо-драки. А именно синяки, которые кто-то оставил на запястьях мальчика совсем недав-

но. Странные по форме синяки. Как будто от веревки или чего-то похожего. Словно его привязывали.

Глава 9

После ухода мальчишек в амбулатории долго не задерживаюсь. Моя посильная помощь на сегодня оказана, да и любопытство удовлетворено. К тому же Тисовну пришла проведать ее давняя подруга, а я не люблю мешать чужим разговорам.

Накидываю поверх толстовки утепленную жилетку и дождевик. Сняв балетки, обуваю на ноги резиновые сапоги. А заметив оседающие на оконном стекле крупные капли дождя, следом натягиваю на голову капюшон.

До дома путь неблизкий, не хочется по-глупому намочать и простывать.

– Счастливо оставаться, – желаю женщинам, прежде чем переступить порог.

Успевшие увлечься разговором, они обе тем не менее оборачиваются, окидывая меня удивительно похожими теплыми взглядами.

– Рада была повидаться, Тальяна, – отзывается немолодая гостья Ирхи.

– Взаимно.

Кивком подтверждаю аналогичные чувства.

– Спасибо, Таюш. Хороших выходных, – а это уже Тисовна. – До понедельника, дорогая.

– Ага. Буду после обеда, – предупреждаю и следом обме-

ниваюсь с фельдшерницей понимающими улыбками.

Знаю, что она и так не забыла про этот важный для меня нюанс. Еще бы. Ведь все несколько лет, сколько здесь подрабатываю, в первый рабочий день недели всегда прихожу в одно и то же время. Но и себя сложно переделать. Привычка ставить в известность – вторая натура.

– Договорились.

Повесив сумку на плечо, выхожу на крыльцо и на пару мгновений притормаживаю на ступенях под козырьком. Запрокидываю голову и, прикрыв ресницами глаза, делаю медленный глубокий вдох.

Ум-м-м, хорошо.

Насыщенный кислородом и влагой лесной воздух заполняет легкие до предела. До колкого жжения за ребрами и слегка закружившейся головы. Вздвигает энергией и наполняет тело силой. И вместе с тем окружает безмятежностью и дарит покой и умиротворение. В душе растекается комфортное равновесие.

То, что доктор прописал.

Хмыкнув, поглубже прячусь в капюшон и, слегка втянув голову в плечи и наклонив тело вперед, делаю первый шаг в разгулявшуюся стихию. Петляя, как заяц, минуя многочисленные лужи и держу путь в сторону дома.

Дожди нынче зарядили, будь здоров. Будто кто-то сверху выдумал, что идея выдать трехмесячную норму осадков за пару недель в нашем тихом крае – очень удачное решение.

И вот теперь нас заливает. Непрерывно.

Но, что интересно, местных это не напрягает, как и меня. Не отменяет запланированных ими дел, и жизнь в Заречном идет своим чередом.

Подумаешь, сыро. Это ж временно. Зато после обязательно будет солнце.

Шустро переставляя ноги, еще раз прокручиваю в голове то, что рассказала Тисовна про Тайлера. Вернее, про его мать, которую знала с ее рождения и до того момента, как та исчезла из поселка в неизвестном направлении.

– Бирина нашей местной звездой была. Уж очень красивая девка уродилась. Как куколка. Высокая, стройная, с огненной гривой шелковистых волос и глазами с поволокой. Жаль, нос сильно задирала и других принижала, не жалея колкостей. Эдакая принцесса с дурным нравом. Потому и подруг не имела, а парней уже сама отшивала. Всем заявляла, что в мегаполис уедет и замуж за богатого выйдет. Местным нищebroдам рядом с ней делать нечего. И ведь уехала. Никого не предупредив. Даже родителей. Ох, как те переживали и резко по здоровью сдали, когда она их бросила. Поздний ребенок и, несмотря на дурной характер, любимый... Они без нее шесть лет протянули, а потом все. Ушли друг за другом в чертоги Луноликой в течение полугода. Эта вертихвостка и на похороны не приехала, хотя точно знаю, что весточку ей отсылали. С одной девчонкой она все же мало-мальски общалась. И теперь вот такой сюрприз – вернулась пару недель

назад обратно, с мальчонкой, и поселилась в заброшенном отчем доме у озера. Правда, одно осталось неизменно – по-прежнему гордячка. Ни с кем не общается, никого в дом не пускает. Даже здоровается через раз сквозь зубы.

– И все равно это не объясняет, откуда у Тайлера синяки, – повторяю себе под нос тот же самый вопрос, который задала Тисовне, когда та закончила повествование, и на который она не смогла дать ответ, после чего возвращаюсь в настоящее.

Обтираю ноги об лежащий у двери местного магазина коврик, распахиваю дверь и переступаю порог.

– Добрый день, – здороваюсь со всеми сразу, чувствуя, как чуть озябшее от резкого ветра тело обволакивает мягкое тепло.

Помимо продавщицы у витрины стоят две оборотницы, что-то негромко обсуждая, и еще одна у прилавка, придерживая раскрытый пакет.

– Здравствуй, Тальяна, – звонко приветствует меня Стайла, ловко перемещаясь между стеллажами и выкладывая перед покупательницей называемые той продукты. – Ты сегодня пораньше. В амбулатории тишина? Больных нет?

– Верно. Слава богине, все здоровы, – киваю, чуть дернув вверх уголки губ, и занимаю очередь.

К разговорам и тому, что просят подать, особо не прислушиваюсь, мне важнее не забыть, за чем я сама пришла. Поэтому даже немного вздрагиваю, когда слышу:

– Что, Стайла, эта высочка и с тобой больше не общается? Не говорит, на кой в поселок вернулась?

– Нет. Молчит. Будто мы вообще незнакомы и за одной партой десять лет не сидели, – тяжело вздыхает продавщица.

Прослеживаю за взглядами присутствующих, и понимаю, что они обсуждают только что ушедшую оборотницу. А я и лица ее не видела, та спиной стояла.

Эх, жаль. Интересно было бы посмотреть.

– Надеюсь, эта стерва здесь долго не задержится. Еще не хватало, чтобы наши мужики на нее головы сворачивали, – шипит одна из подруг-покупательниц.

– И не говори, – присоединяется к ней вторая. – Пусть к своему муженьку богатому возвращается, от которого мальчонку родила.

Успеваю лишь разок моргнуть, как женщины будто по щелчку переключаются на бытовую тему и больше при мне Бирину не обсуждают. А догадаться, что это именно ей косточки перемывали, труда не составляет. Не так в Заречном много приезжих, чтобы перебирать.

Дождавшись своей очереди, затариваю несколько пакетов продуктами, чтобы потом неделю этим голову не забивать, и, попрощавшись, выхожу на улицу.

Усмехаюсь.

Не удивлюсь, если и меня теперь обсудят, надо же чем-то время коротать.

Впрочем, неважно. Если хотят, пусть болтают. Все равно

особо не о чем.

А вот если б знали...

Мысленно отмахнувшись, поправляю ремешок сумки на плече, перехватываю поудобнее пакеты и вновь принимаюсь обходить лужи. Впереди готовка ужина и приятный отдых на диване в обнимку с ноутбуком. Я уже даже придумала, какой фильм сегодня буду смотреть.

Глава 10

По заведенной мною традиции каждая вторая и четвертая суббота месяца начинается с побудки в четыре утра и коротких сборов.

Разложив приготовленную с вечера еду по контейнерам, убираю те в рюкзак и добавляю флягу с водой, хлеб, смену белья и еще кое-какие мелочи вроде спичек и свечей, имеющие обыкновение быстро заканчиваться в сторожке, куда планирую отправиться в ближайшие пятнадцать минут. Отношу мешок в коридор и замираю, прислушиваясь к беспокойным ощущениям, зудящим под ребрами.

Что еще такое?

Интуиция, которая раньше особо не баловала встречами, а позже и вовсе будто покинула, когда судьба свела с семейством Лобовых, назойливо подталкивает прихватить в дорогу аптечку. И пусть разыгравшееся внутреннее чутье вызывает недоверие наравне с удивлением, не отмахиваюсь и ему уступаю. Запаковываю бинты и лекарства в герметичный мягкий бокс и убираю в отдельный боковой карман рюкзака.

После, более-менее спокойная, иду одеваться.

Облачение в походную одежду много времени не занимает. Да и вещи для этого подобраны самые удобные. Плотные брюки с отталкивающей влагу пропиткой, чтобы не вымокнуть в лесу в первые же пять минут, мягкий теплый свитер

под горло, шапка, перчатки и дутовая куртка с капюшоном. На ноги – шерстяные носки, связанные заботливыми руками бабули и подаренные практически перед самым с ней расставанием, и легкие утеплённые резиновые сапоги.

Притопнув ногами, убеждаюсь, что мне удобно, и напоследок осматриваюсь. Телефон и ноутбук, лежащие на круглом столе возле окна, привлекают внимание блестящими в свете неярких ламп глянцевыми боками, но я их игнорирую. Гаджеты остаются дома, потому что в походе совсем ни к чему.

Во-первых, лишний груз в карманах и на мои не особо крепкие плечи. Во-вторых, в укромной сторожке, спрятанной в непроходимой чаще на дальнем берегу озера, где пробуду следующие два дня, нет электричества и связь почти не ловит.

К тому же, что самое важное, я иду не развлекаться, а преследую вполне конкретную цель – перевоплотиться в Тайлу и дать ей возможность побыть самой собой и порезвиться.

Моей волчице, как и всем двуликим без исключения, требуется единение с природой, простор и свобода действий, ночная гонка под луной и выброс звериного адреналина. И все это в строжайших условиях безопасности и полной уверенности, что никто не сможет раскусить скрытую внутри суть омеги. Никто не станет подглядывать и докучать. Никто не нападет и не пожелает присвоить, навязывая собственные эгоистические интересы.

Да, с некоторых пор безопасность – это моё всё.

Основа основ.

И даже если кому-то может показаться перебором, неважно. У меня есть причины бояться. Слишком жестоким оказался урок. Слишком ярко отложилось в памяти то, что сотворили Лобовы и Минина. Чтоб им, бездушным монстрам, икалось и не спалось.

Конспирация доведена до автоматизма. В лес ухожу спозаранку, до первых лучей восходящего солнца, пока весь поселок еще спит, и путь держу туда, куда ни местные, ни чужаки никогда не суются. Слишком места за озером неприветливые, дремучие и болотами затянутые. Не то что на технике проехать, пешком ступить страшно.

Да и молва про них нехорошая ходит.

Положа руку на сердце, сама бы я ни в жизнь не рискнула в тот валежник лезть, смелости не ахти, но Тисовна (да-да, снова этой женщине моя огромная благодарность) открыла глаза на правду и помогла. По секрету поведала, что непроходимость за озером ложная, и тропинку тайную показала. Сопроводила по ней, миновав все лихие опасности, и даже к небольшой сторожке вывела, позже поведав, откуда она там взялась.

Оказывается, в домике много лет назад жил ее родной дедушка, ставший отшельником, когда от старости умерла его истинная пара. Не желая, чтобы хоть кто-то нарушал его тишину и уединение, он запретил, пока жив, расчищать терри-

торию, принадлежащую ему по праву сильного, а всех непослушных проучил, нагнав жути и страху.

Со временем смельчаков соваться на рожон совсем не осталось, и даже смерть оборотня привычки местных не изменила. Благо кругом и так хороших мест полно.

Зато мне там – самое оно. Раздолье. Вот и хожу в непролазные дебри в любое время года, несмотря на жару и зной, метель или холод, снег или дождь, град или ветер. Знаю, пугливой омежке там вполне безопасно. Местные ни за что не сунутся, а чужаки и подавно.

Перед тем, как выйти за порог, проверяю краны и выключатели, закидываю на плечи рюкзак и ступаю на крыльцо. Запираю дверь и, привычным движением подскочив на маленькую скамеечку, стоящую поблизости, прячу ключ за верхней планкой наличника. Удобно и никогда не потеряешь. Тисовна научила.

В несколько шагов пересекаю дворик, проскальзываю через калитку невысокого заборчика на улицу и бесшумно поворачиваю вертушок.

Всё, справилась. Можно идти.

Но что-то будто останавливает. Велит не спешить и осмотреться.

Потребности не противлюсь. Сжав лямки рюкзака, оборачиваюсь и окидываю дом внимательным взглядом.

Хм, прощальным?

От странной мысли, проскочившей в голове, замираю.

Становится не по себе. А то самое предчувствие, которое чуть раньше побудило прихватить с собой аптечку, мурчащей кошечкой сворачивается в области груди, будто все, что нужно, уже сделано.

Резко выдохнув, отмахиваюсь от яркой картинки (да что за глупости сегодня одолевают?!) и быстрым шагом припускаю вглубь переулка.

Не буду себя накручивать в дорогу. Вернусь, потом подумаю.

А если не вернусь... да ну, что за глупости?! Не верю!

Мысленно мечась в сомнениях, активнее переставляю ногами и привычно осматриваюсь.

На улице еще темно, но зрение оборотня без труда позволяет любоваться сонными небольшими домиками с резными ставнями и красивыми балкончиками, утопающими в позднецветах, молочно-серой брусчаткой под ногами, и вперемишку каменными и деревянными заборчиками, за которыми угадываются маленькие садики и дворики.

В Заречном уютно.

И сам поселок к себе располагает, и окружающая природа – вековые зеленые великаны, река, горы, озеро, и свежий воздух, наполняющий душу благодатью, и живущие тут двуликие, ненавязчивые, часто закрытые, но в большинстве своем благодушные и готовые прийти на помощь.

Дергаю губы в намеке на улыбку и в очередной раз благодарю богиню, что не только помогла вырваться из жестоких

лап бесчувственного монстра, но и подарила судьбоносную встречу с добрыми и отзывчивыми оборотницами. Не представляю, что бы со мной было, и куда занесла судьба, если бы не они.

За мыслями оставляю поселок за спиной и, петляя по узкой тропе хвойной аллеи, обхожу раскиданные тут и там массивные валуны в половину и больше человеческого роста. Вынырнув из-под сени деревьев, резко забираю влево, где впереди уже виднеется темная гладь изогнутого подковой озера и примостившийся у самого берега, стоящий на сваях дом Тайлера. Именно за ним, в зарослях тростника и осоки, берет начало тайная тропинка, которая мне нужна.

Продолжая поддерживать выбранный быстрый темп, тем не менее стараюсь шуметь как можно меньше, а еще с новым интересом разглядываю высокий под два метра глухой забор, упирающийся в воду и прячущий от любопытных глаз одноэтажный сруб. Верхние венцы его почернели от времени, а кособокая крыша полностью поросла мхом. Небольшой причал практически незаметен с того места, где я иду, а вот старую деревянную лодку я вижу. Она легко покачивается на невысоких волнах, прибывающих к берегу.

Раньше, проходя мимо, я почти не обращала внимания на окружающую обстановку, максимально сосредотачиваясь на звуках и попытке убедиться, что двуликих поблизости нет. Страховка-страховка.

Теперь же изучаю всё подетально и прислушиваюсь с со-

вершенно иной целью. Какого-то рожна мне кажется, что, если постараюсь, то могу услышать Тайлера или его мать.

С чего бы? Что за глупости?

В такое время суток все непременно спят. Видят сладкие сны и в ус не дуют. Стоящая вокруг глухая тишина, естественная для выходного утра, это подтверждает.

Ни одного постороннего звука.

Конечно, я не беру в расчет тихий шорох прибрежной травы, тихонько подвывающий запутавшийся в ветвях ветер и легкий плеск воды, до которой остается рукой подать.

Тихо...

Практически обогнув закрытый двор Бирины и начав удаляться в камышовые заросли, краем уха цепляю короткий всхлип. Даже непонятно – мужской или женский.

В момент замираю и оборачиваюсь. Напрягаю слух до максимума, жду повтора... ну же?! Ну!

Но больше ничего не происходит.

Стою недвижно еще несколько минут, гадая: померещилось или нет. Потом, нехотя, всё же возобновляю путь.

Светает. Надо спешить скрыться.

Глава 11

«Как ты, Тайла, не устала?»

«Нет, я счастлива и полна сил!»

«Значит, возвращение в сторожку пока откладывается?»

Ничего, что уже ночь?»

«Конечно, ничего, Тая. Мы же с тобой отлично в темноте видим, не прибедняйся. Дай мне еще немного свободы, ведь завтра вечером уже придется вновь возвращаться в поселок»

«Хорошо. И куда ты хочешь направиться?»

«На запад. Вдоль озера до предгорий»

«К водопаду?»

«Да!»

«О, здорово, я совсем не против тоже там побывать. Места невероятно красивые!»

«Точно! И кажется, будто в сказку попадаешь, правда?»

Усмехаюсь.

«Тайла, ты у меня не грозная волчица, а романтическая мечтательница!»

«Ой, Тая, а разве сама далеко ушла?!»

Переговариваясь и подтрунивая друг над другом, мы с моей второй сущностью бесшумной стрелой проносимся по просеке и, достигнув уже известного ориентира – огромного многовекового тиса, учитывая высоту кроны и толщину

ствола, резко забираем вправо.

Теперь скорость приходится снизить.

Густые кустарники, разросшиеся будто на дрожжах, с то и дело цепляющимися за шкуру ветками, корявые пни, огромные кособокие муравейники и поваленный сухостой с опасными, торчащими во все стороны острыми сучьями, лихо тормозят потребности и не дают разогнаться, как хочется. Впрочем, Тайле и в таком варианте прогулка очень нравится. Как и мне.

Перебирая лапами, волчица ведет ушами, чутко улавливая всё, что происходит вокруг. Наклоняет голову чуть вбок, вытягивает шею, изредка припадает к земле. И постоянно проверяет запахи, втягивая в себя ни с чем несравнимый воздух леса. Насыщенный прелой травой, опавшей листвой, корой деревьев, сыростью, а еще орехами и грибами.

Ум-м-м, великолепно.

В какой-то момент, мой зверь вдруг замирает, напрягается всем телом и пригибается. Почти не дышит, подрагивая от нетерпения, и водит мордочкой. А в следующую секунду делает резкий рывок и, оттолкнувшись, прыгает вперед и вбок, стараясь лапами зажать мышку, спешащую закопаться в норе под выпирающими из мягкого грунта корнями огромной сосны.

«Охотница! Отстань от малявки!»

Смеюсь, когда мелкий грызун юрко шарахается от «злого хищника» в сторону, ни в какую не желая поддаваться, а моя

вторая сущность, впавшая в азарт и детство, носится за ним по пятам.

Из стороны в сторону. Влево. Вправо. Вперед. Вбок. Назад. Опять вперед.

«Тайла, угомонись, разбойница! У зверька сейчас разрыв сердца будет. А ты сытая, раз. И все равно сырым мясом не питаешься, два»

«Зато развлекаюсь!»

Довольно фыркает белоснежная красавица. Встряхнувшись с головы до хвоста, она, как ни в чем не бывало, возвращается к месту, с которого решила похулиганить, и устремляется вперед. К кромке леса, упирающейся в озеро. Где проходимость более высокая.

Еще около получаса пролетает в интенсивном движении, а затем глазам открывается невероятный вид. Ошеломляющий. Великолепный. Самый красивый из тех, что мне когда-либо доводилось видеть.

С громким гулом поток, берущий начало где-то далеко-далеко в горах и разрастающийся в этом месте до размеров неширокой, но бурной речушки, обрушивается с четырехметровой высоты вниз. На камни. А затем с шумом и брызгами, извиваясь и пенясь, устремляется дальше, в низину, чтобы спустя непродолжительное время впасть в озеро и там затеряться.

«Вау! Богиня Луна, как же здесь красиво!»

«И умиротворенно»

Поддакивает мне волчица, заскакивая на высокий черный камень, куда не долетает водная пыль. Вытягивает передние лапы и подгребает под себя задние, плюхается на пузо и, опустив мордочку, довольно вздыхает.

«Хорошо и уединенно. Всю жизнь бы так прожила»

Над головой черное бескрайнее небо сверкает тысячами ярких и не очень звезд. Почти полная луна обливает все вокруг таинственным тусклым светом. В воздухе звенит легкий ночной морозец и благодать.

«Я бы тоже, Тайла. Но не уверена, что получится. Лобов слишком жесток и деспотичен, слишком привык, что все ему подчиняются, чтобы запросто спустить с рук мой побег. Для него это – плевок в лицо. Не верю, что он отступит. Нет, этот гад будет вынюхивать до конца»

Озвучиваю то, о чем думала много бессонных ночей.

«Думаешь, он нас и здесь отыщет?»

«Не знаю. Предчувствия у меня странные. Но почему-то, когда о плохом думаю, в голове образ Тайлера возникает, а не отца Стива»

«Хм, подозрительно»

О, я бы еще и не так сказала. Этот маленький волчок с первого дня знакомства непонятным образом пробрался внутрь меня и странно беспокоит, как и пугающее происхождение синяков на его тоненьких ручках.

Ну не может же Бириня его привязывать? Она же мать. Женщина, в конце концов. Созидательница и хранительница

очага. Но, с другой стороны, больше-то никому. С ними никто не живет. Так Тисовна сказала, а она всё про всех знает.

«Ладно, Тая. Не грусти. Утро вечера мудренее. Завтра об этом еще подумаем. И, если совсем немоготу станет, на обратной дороге к ним заглянем и веско и прямо все выпросим»

Соглашаюсь со своим зверем и, как и он, расслабляюсь, спеша напиться умиротворением, пронизывающим это место насквозь.

Домой возвращаемся тем же путем. Тайла, стараясь двигаться бесшумно, скользит между деревьями, перепрыгивает ямы, приземляясь мягко-мягко, и подныривает под растянутыми там и тут паутинами.

Я же во всю представляю, чем займусь в домике.

Во-первых, хорошенько умоюсь, после сварганю парочку больших бутербродов с мясом и налью горячего чая с душицей и земляникой, а затем, прежде чем раздеться, подкину в печку пару дровишек. Пусть, гуляя в теле зверя, не замерзла, но в домике ночевать хочу в тепле. Эх, еще десять минуточек и уже добер...

«Тая!!!»

Рык моей волчицы и то, как она замирает, будто на стену налетает, мгновенно вытряхивает из мечтаний.

«Кровь!»

Напрягаюсь и озвучиваю то, что секундами ранее почувствовала Тайла. И от чего дико переполошилась.

А теперь и я до кучи.

«Не просто кровь. Запах, Тая, запах! Чувешь, кому он принадлежит?»

По всему телу пробегает мощнейшая судорога.

Матушка Луна, не может этого быть! Ну, не может же!

НЕ МОЖЕТ!

Однако, аромат, знакомый и чем-то притягивающий с первых секунд, не оставляет сомнений в имени владельца.

«Тайлер!»

Кажется, сердце в пятки проваливается, а в голове начинается сумасшедший бой молоточков. Тело настолько сковывает напряжением, что будь я человеком, повалилась бы наземь, не удержавшись на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.